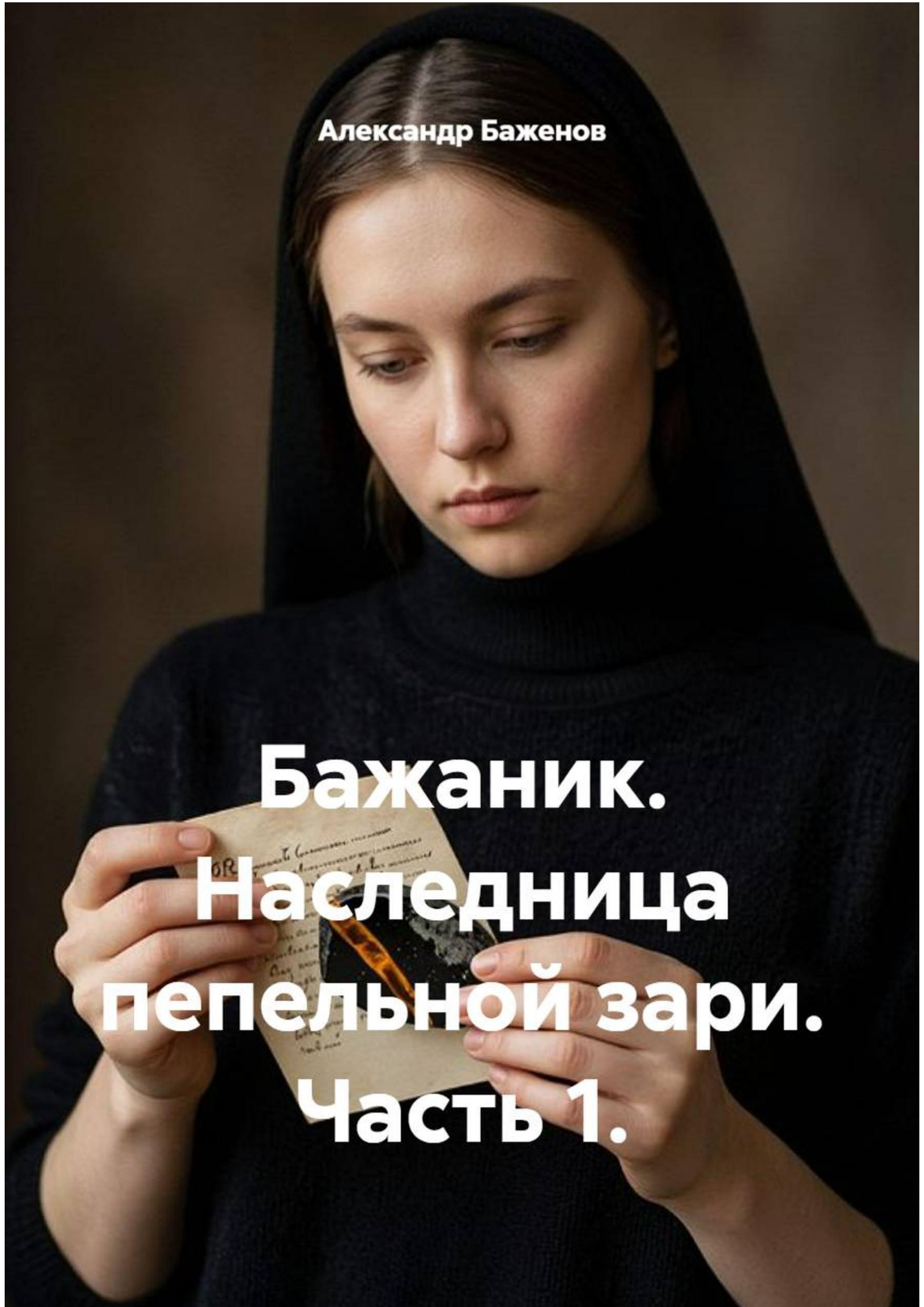

Александр Баженов

**Бажаник.
Наследница
пепельной зари.
Часть 1.**

Александр Баженов

**Бажаник. Наследница
пепельной зари. Часть 1.**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Наследница пепельной зари. Часть 1. / А. Н. Баженов —
«Автор», 2026

Мира, реставратор из Санкт-Петербурга, после смерти бабушки находит странную рукопись и оберег из обсидиана с янтарной прожилкой. Прикоснувшись к нему, она переносится в мир, где идёт война между пепельными и болотниками. Там её встречает Вельмир, князь болотников, чей народ умирает от пепельной хвори. Мира узнаёт, что она — наследница первой жрицы, способная соединить пепел и воду. Вместе с Вельмиром она проходит испытания у Древа Раскола, в Каменном Сердце и в Пепельном дворе, где противостоит матери Вельмира — верховной жрице пепельных. Мира отказывается быть оружием, становится мостом между народами, исцеляет хворь и не растворяется, а остаётся живой. В финале она возвращается в Костный Брод, её признают княгиней, и они с Вельмиром решают идти дальше, неся жизнь и соединяя всех.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел на пальцах	5
Глава 2. Зелёная земля	32
Глава 3. Новая заря	49
Глава 4. Забытые	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Бажаник. Наследница пепельной зари. Часть 1.

Глава 1. Пепел на пальцах

Эпизод 1. Пергамент

Санкт-Петербург увядал каждую осень.

Не по-настоящему. Не насовсем. Просто засыпал медленно, тяжело, неохотно. Дождь заливал улицы, ветер срывал последние листья с чёрных веток, небо опускалось так низко, что касалось крыш. Город тонул в сером тумане, и казалось: ещё немного и он исчезнет. Растворится. Уйдёт в никуда.

Мира любила эту осень.

Любила дождь по стеклу. Любила запах мокрого камня. Любила тишину густую, тяжёлую, Она сидела в мастерской маленькой, тесной, заваленной книгами, и чинила то, что другие считали мёртвым.

Пергамент под её пальцами был старым. Очень. Не бумага - кожа. Тонкая, сухая, пожелтевшая от времени. Ему было лет триста. Может больше. Мира чувствовала это кожей возраст, память, боль. Как будто рукопись помнила всё: чьи руки её держали, какие слова шептали над ней, какие слёзы падали на её страницы.

Она работала медленно. Осторожно. Терпеливо. Скальпель тонкий, как игла. Кисть мягкая, как дыхание. Лупа тяжёлая, латунная, тёплая. Мира склонялась над верстаком третий час, не разгибаясь, не отвлекаясь, не замечая времени.

Дождь барабанил по стеклу. Ровно. Ритмично. Как сердце. Как пульс. Как жизнь.

Мастерская пахла старыми книгами.

Это был особый запах. Не пыль. Не плесень. Другое. Тёплое. Живое. Как будто книги не умирали. Ждали. Помнили. Любили.

Мира вдохнула глубже. Закрыла глаза. На мгновение. Долгое.

Бабушка пахла так же.

Старая бумага. Лаванда. Крепкий чай. Что-то ещё. Неуловимое. Мира не могла назвать это. Чувствовала каждый раз. Когда думала о ней. Когда вспоминала. Когда болело.

Бабушка умерла две недели назад.

Мира не плакала на похоронах. Не могла. Смотрела на гроб простой, деревянный, и чувствовала только пустоту. Холодную. Тяжёлую. Как будто внутри что-то выключили. Навсегда.

Потом мастерская. Работа. Книги. Рукописи. Пергамент. Чернила. Пыль. Мира ушла в это с головой. Как в воду. Как в сон. Как в спасение.

Она не думала о бабушке. Заставляла себя не думать. Работала. Дышала. Жила. Пока так. Рукопись попалась странная.

Её принесли три дня назад. В деревянном ящике. Без сопроводительных. Без имени. Без объяснений. Только записка маленькая, сложенная вчетверо, приколотая к крышке.

Почерк Мира узнала сразу.

Бабушкин.

«Разберись, что это. Больше никому.»

Мира перечитала записку раз. Другой. Третий. Двадцать. Сто. Каждый раз как нож. Острый. Холодный.

Бабушка умерла две недели назад. Не могла оставить записку. Не могла знать. Не могла ждать.

Но записка была.

Мира не верила в чудеса. Не верила в знаки. Не верила в судьбу. Она верила в факты. В науку. В то, что можно потрогать. Проверить. Объяснить.

Этому не было объяснения.

Мира отложила записку. Взяла скальпель. Склонилась над рукописью. Работала. Дышала. Жила.

Текст не поддавался.

Символы странные. Не латынь. Не греческий. Не церковнославянский. Что-то среднее. Между глаголицей и рунами. С вкраплениями, которых Мира никогда не видела.

Она сфотографировала несколько строк. Прогнала через программы распознавания. Ноль. Ни один алгоритм не нашёл совпадений. Ни одна база не знала этих символов. Ни один лингвист, а Мира написала пятерым не смог помочь.

«Это не язык, ответил последний. Или язык, которого больше нет. Мёртвый. Забытый. Ушедший».

Мира смотрела на символы. Внимательно.

И чувствовала: они смотрят в ответ.

К вечеру дождь усилился.

Ветер бил в окна. Фонарь у подъезда мигал жёлтый, тусклый, усталый. Мира зажгла лампу на верстаке. Тёплую. Латунную. Свет упал на пергамент. Мягкий.

Мира взяла лупу. Склонилась. Вгляделась.

И увидела.

В правом нижнем углу листа там, где символы сгущались в сложный узор, проступало что-то новое. Не текст. Рисунок. Едва заметный. Почти стёртый временем. Но безошибочно: женщина с двумя лицами. Одно смотрело вверх к небу. Другое вниз, к воде.

Мира коснулась рисунка пальцем.

Пергамент был холодным.

Не просто холодным ледяным. Как будто его только что вынули из погреба. Как будто он никогда не знал тепла. Как будто он ждал этого прикосновения триста лет.

Мира отёрнула руку.

Дыхание стало паром.

Свет мигнул.

Не фонарь за окном лампа на верстаке. Раз. Другой. Третий. Мира потянулась к выключателю. Не успела.

Пергамент вспыхнул.

Не сгорел. Именно вспыхнул по его поверхности пробежали тонкие линии огня, складываясь в знакомые символы. Те самые, которые она не могла расшифровать. Теперь они горели изнутри ярко, бело, ослепительно.

И Мира поняла их.

Не перевела просто поняла. Всем телом. Всем нутром. Как будто кто-то вложил знание прямо в кости:

«Дитя двух кровей. Пепел и вода. Заря придёт или не придёт никогда».

Свет погас. Мастерская погрузилась в темноту.

Мира стояла, не дыша, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Тишина была абсолютной даже дождь за окном стих. Даже ветер замер. Даже город перестал дышать.

А потом она услышала голос.

Не бабушкин. Чужой. Низкий. Женский. С хрипотцой как у человека, который долго молчал:

«Ты опоздала, внучка. На две недели. Но оберег всё ещё ждёт».

Мира обернулась.

В мастерской никого не было.

На верстаке, там, где лежал обломок обсидиана, теперь светилося что-то другое.

Камень исчез. Вместо него лежал оберег круглый, размером с ладонь, из чёрного камня с янтарной прожилкой, проходящей точно по центру. Обсидиан и янтарь. Пепел и вода.

Он был тёплым.

Мира протянула руку медленно, как будто во сне. Пальцы коснулись гладкой поверхности. Янтарная прожилка вспыхнула изнутри, и по мастерской разлился запах дыма и болотной тины.

Мир наклонился. Задрожал. Стены стали прозрачными.

Мира видела сквозь них: серый питерский двор, мокрые машины, сосед с собакой всё это рассыпалось, как старая плёнка, которую слишком долго держали на свету. А за рассыпавшимся миром открывалось другое: бескрайнее болото под низким багровым небом, костры на берегу, тени, танцующие вокруг огня.

И голос тот же, женский, хриплый:

«Иди. Тебя ждут. И помни: то, что ты считала сказками, это твоя кровь».

Мира хотела закричать. Хотела отшатнуться. Хотела проснуться.

Но оберег в её руке стал горячим почти обжигающим. Янтарная прожилка вспыхнула так ярко, что свет заполнил всё мастерскую, дом, улицу, мир.

А потом погас.

Мира открыла глаза.

Она лежала на чём-то твёрдом. Камень. Холодный, влажный, покрытый мхом. Над головой небо. Не серое питерское, а багрово-фиолетовое, как на старинных иконах, изображающих конец света.

В воздухе пахло дымом, болотом и чем-то ещё железом. Кровью.

Мира села. Руки дрожали. Оберег всё ещё был в её ладони, но теперь он казался тяжелее как будто впитал что-то. Янтарная прожилка тускло мерцала, как уголёк под пеплом.

Вокруг неё был храм.

Нет, не храм руины храма. Каменные стены, наполовину обрушенные, колонны, увитые чёрным плющом, алтарь в центре, покрытый трещинами. Сквозь дыру в крыше то самое багровое небо, по которому медленно плыли пепельные облака.

Мира слышала звуки. Далеко пение. Женские голоса, низкие и протяжные, как плач. И ещё что-то: шаги. Много шагов. Приближающихся.

Она попыталась встать. Ноги не слушались. Колени подкосились, и она упала на камень, ободрав ладони. Кровь алая, настоящая выступила на коже.

«Вставай, сказал голос в её голове. Тот же самый. Они не будут ждать. И не будут добры».

— Кто ты? прошептала Мира.

«Та, кто ждала тебя слишком долго. Та, чья кровь течёт в твоих жилах. Вставай, Мировслава. Наследница пепельной зари».

Шаги стали громче. Тени в проёме разрушенной стены зашевелились.

Мира встала.

И в этот момент из темноты вышли они.

Пятеро.

Высокие. Широкоплечие. В доспехах из тёмной кожи и металла. С лицами, скрытыми под капюшонами. В руках копьё с наконечниками, светящимися тусклым зелёным. Магия. Настоящая магия.

Впереди шёл он.

Мира не сразу поняла, что он их предводитель. Он не был выше остальных, не был шире в плечах. Но что-то в нём в том, как он двигался, как держал голову, как смотрел заставляло воздух вокруг него дрожать.

Капюшон он не носил. Лицо молодое, резкое, с высокими скулами и тёмными глазами, в которых не было ни тепла, ни любопытства. Только холод. Ледяной, абсолютный, как зимнее болото.

Он остановился в трёх шагах от Миры. Посмотрел на неё. Потом на оберег в её руке.

И произнёс низким, ровным голосом, без единой эмоции:

— Ты. Откуда у тебя это?

Мира сглотнула. Горло пересохло. Она хотела сказать правду что не знает, что это ошибка, что она просто реставратор из Питера, что она не должна быть здесь. Но вместо этого сказала:

— Я не знаю. Он сам меня выбрал.

Мужчина прищурился. Что-то мелькнуло в его глазах не удивление. Узнавание.

— Сам выбрал, повторил он. Значит, ты та, кого мы ждали.

Он сделал шаг вперёд. Его люди напряглись, копыя блеснули в багровом свете.

— Князь, сказал один из них. Она может быть лазутчицей. Пепельные не спят. Они знают о пророчестве.

Мужчина князь не обернулся. Он смотрел только на Миру.

— Пепельные не смогли бы подделать оберег, сказал он. Это кровь предков. Она настоящая.

Он протянул руку. Ладонь мозолистая, покрытая тонкими белыми шрамами. Он ждал.

— Отдай мне оберег. Добровольно.

Мира сжала камень крепче. Янтарная прожилка вспыхнула ярче, чем раньше. Она почувствовала, как сила поднимается из глубины её существа, тёплая и пугающая одновременно.

— Нет, сказала она.

Князь моргнул. Впервые хоть какая-то эмоция. Удивление.

— Нет? переспросил он.

— Нет, повторила Мира. Голос дрожал, но она не отступала. Вы не представились. Вы не объяснили, где я. Вы не сказали, кто вы такой. И вы не командуете мной.

Тишина.

Потом князь сделал то, чего Мира не ожидала. Он улыбнулся. Едва заметно, уголком губ. Холодно. Но всё же улыбнулся.

— Значит, ты не просто наследница, сказал он. Ты ещё и упрямая. Это... интересно.

Он опустил руку.

— Меня зовут Вельмир, князь болотников. Ты находишься на границе моих земель, в храме Забытых. И да, он кивнул на оберег, я команду здесь. Но не тобой. Пока.

Он обернулся к своим людям:

— Уходим. Она идёт с нами.

— Я никуда не иду, сказала Мира.

Вельмир посмотрел на неё через плечо. Взгляд ледяной.

— Идёшь, сказал он. Потому что, если ты останешься здесь, через час тебя найдут пепельные. И тогда, он сделал паузу, ты пожалеешь, что не пошла со мной.

Он шагнул в темноту. Его люди последовали за ним.

Мира стояла одна в разрушенном храме, прижимая к груди оберег, чувствуя, как багровое небо давит на плечи, как болото шепчет её имя, как чужая кровь просыпается в её венах.

И она сделала единственное, что оставалось.

Пошла следом.

Эпизод 2. Тропа молчания

Болото дышало.

Мира чувствовала это каждой клеткой как влажный, тяжёлый воздух входит в лёгкие, как под ногами чавкает чёрная жижа, как где-то в глубине, под слоем воды и торфа, что-то живёт.

Не просто живёт наблюдает, чужое, древнее, терпеливое. Оно знало о ней больше, чем она сама. Оно ждало её дольше, чем она могла представить. Оно помнило её кровь ту, что текла в её венах, ту, что она никогда не знала.

Они шли уже больше часа. Молча.

Вельмир двигался впереди, не оборачиваясь. Его люди четверо держались по бокам, не глядя на Миру, но она чувствовала их внимание. Как ножи за спиной. Как тени, которые не отстают. Один из них, молодой, с длинной косой и шрамом через бровь, пару раз оборачивался. Не враждебно. Скорее с любопытством. Как будто видел диковинного зверя. Как будто пытался понять: что в ней такого, из-за чего князь не убил её на месте.

Мира старалась не отставать. Получалось плохо.

Её кроссовки обычные, городские, кожаные уже промокли насквозь. Джинсы облепили ноги, отяжелели, тёрли кожу. Куртка, которую она не сняла в мастерской, теперь казалась насмешкой: тонкая, осенняя, она не спасала ни от холода, ни от влаги. Мира дрожала. Мелко, непрерывно, так, что зубы стучали. Она обхватила себя руками, но это не помогало. Холод шёл изнутри. Из костей. Из крови. Из того места, где раньше была пустота, а теперь просыпалось что-то чужое.

Вельмир не оборачивался.

Тропа петляла между кочками, покрытыми мхом, и чёрными лужами, в которых отражалось багровое небо. Мира старалась ступать туда, куда ступал Вельмир, на утопанную землю, на корни, на редкие камни. Получалось плохо: она дважды провалилась по колено, и оба раза молодой воин со шрамом молча вытаскивал её за локоть. Его рука была горячее даже через ткань Мира чувствовала жар. Как будто внутри него горел огонь. Как будто он был печью, которую нельзя погасить.

— Спасибо, буркнула она во второй раз.

Он кивнул. Потом, тихо, почти шёпотом:

— Яромир.

— Что?

— Меня зовут Яромир. Он покосился на спину Вельмира, который ушёл далеко вперёд. Князь не представится. Он вообще редко говорит. Но ты не бойся. Он не убьёт.

— Утешил, сказала Мира.

Яромир улыбнулся. Едва-едва. Уголком губ, как будто улыбка была для него непривычным делом как будто он забыл, как это делается. Мира вдруг поняла, что он моложе, чем казался. Может, её ровесник. Может, младше. Шрам на брови старый, заживший, но глубокий. Он многое повидал. Слишком многое для своих лет.

— Он справедливый, сказал Яромир. Это важнее.

Мира хотела спросить, что значит «справедливый» в мире, где людей называют болотниками и пепельными, где небо цвета крови, а в храмах живут голоса. Но не успела.

Вельмир остановился.

— Привал, бросил он через плечо. Полчаса.

Они развели костёр на небольшом островке сухом, поросшем жёсткой травой. Трава была серой, как всё здесь, но под ней угадывалась жизнь корни, семена, что-то, что ждало своего часа. Один из воинов молчаливый, с седой бородой достал из сумки лепёшки и вяленое мясо. Мира не ела с утра. Голод ударил внезапно, как обухом. Как будто тело вспомнило о себе только сейчас когда появилась возможность.

Она села у огня, обхватила колени руками. Огонь был живым не просто горел, а дышал. Пламя изгибалось, тянулось к ней, как будто узнавало. Как будто хотело коснуться, родное, тёплое.

Мира отшатнулась.

— Не бойся, сказал Яромир, садясь рядом. Огонь тебя не тронет. Ты пепельная. По крови.

— Я никто, сказала Мира. Я реставратор. Я книги чиню. Я не...

Она замолчала. Потому что Вельмир который всё это время стоял в стороне, глядя на болото, повернулся. И посмотрел на неё. Прямо. Впервые по-настоящему. Не мимо. Не сквозь. А в глаза.

— Ты не знаешь, кто ты, сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Нет, призналась Мира. Не знаю.

Он подошёл. Медленно, как хищник, который не торопится. Остановился в двух шагах, глядя сверху вниз. Огонь бросал на его лицо оранжевые отсветы, и в этих отсветах он казался старше. Усталее. Мира видела шрам тонкий, белый, который тянулся от виска к подбородку. Видела морщины у глаз не от смеха. От боли. От того, что он видел слишком много и не мог забыть.

— Оберег, сказал он. Покажи.

Мира вытащила камень из кармана. Янтарная прожилка тускло мерцала, как засыпающий уголь. Он пульсировал медленно, ровно, в такт её сердцу. Как будто был её частью. Как будто жил в ней.

Вельмир не взял его. Только смотрел. Внимательно.

— Этот оберег принадлежал первой жрице, сказал он Той, что разделила народы. Тысячу лет назад она ушла в Пепел и не вернулась. С тех пор оберег считался утерянным. Пепельные ищут его. Мы ищем его. Все ищут.

— И что он делает?

— Соединяет.

Он поднял глаза. Тёмные, как болотная вода. Как ночь. Как смерть.

— Пепел и воду. Огонь и землю. Жизнь и смерть. Ты мост, Мирослава. Или оружие. Зависит от того, кто первым до тебя доберётся.

Мира сглотнула. Горло пересохло. , страшное, неизбежное.

— А ты? спросила она. Ты хочешь сделать меня оружием?

Вельмир молчал. Огонь трещал, где-то в глубине болота ухнула птица низко, страшно, как стон. Как будто болото отвечало за него. Как будто оно знало ответ, но не хотело говорить.

— Я хочу спасти свой народ, сказал он наконец. Всё остальное не важно.

Он отвернулся и пошёл обратно к краю островка. Яромир тихо выдохнул.

— Это был... почти комплимент, сказал он.

Мира посмотрела на оберег в своей руке. Янтарная прожилка пульсировала медленно, в такт её сердцу. Как будто камень знал что-то, чего не знала она. Как будто он ждал.

«Он не лжёт, прошептал голос. Но и не говорит всей правды. Будь осторожна, внучка».

Мира сжала камень. Тёплый. Почти

— Я всегда осторожна, прошептала она в ответ.

После привала они пошли дальше.

Болото менялось. Медленно, почти незаметно. Кочки становились выше, трава жёстче, вода темнее. Туман поднимался от земли густой, тяжёлый, и в этом тумане звуки гасли. Шаги. Дыхание. Голоса. Как будто мир затаился. Как будто ждал.

Мира чувствовала, как тишина давит на плечи. Не мёртвая живая. Наблюдающая. Как будто болото слушало. Как будто ждало. Как будто проверяло: достойна ли она идти дальше.

— Здесь нельзя говорить, тихо сказал Яромир, поравнявшись с ней. Тропа молчания. Духи не любят шума. Если разбудить плохо будет.

— Насколько плохо?

— Увидишь.

Мира не стала спрашивать. Просто пошла тише. Дышала глубже. Смотрела под ноги. Она чувствовала, как что-то меняется внутри. Медленно. Как будто болото не просто пропускало

её принимало. Признавало. Запоминало. Как будто она была здесь раньше. Как будто её кровь помнила эту землю.

Туман сгушался. Фигуры воинов тёмные, размытые казались призраками. Вельмир впереди был едва различим. Только силуэт. Только тень. Только холод. Но Мира чувствовала: он тоже слушает. Тоже ждёт. Тоже боится не за себя. За неё. Как будто она была чем-то важным. Чем-то, что нельзя потерять.

Мира шла. Шаг за шагом. Дыхание за дыханием. И чувствовала, как что-то просыпается в ней. Медленно. Как уголёк под пеплом. Как искра. Как жизнь.

Оберег на груди тёплый. Ровный.

К вечеру они вышли к деревне.

Мира увидела её издали низкие дома на сваях, кривые, вросшие в болото, с крышами из тростника, покрытыми зелёным мхом. Между ними вились мостки узкие, скользкие, перекинутые через чёрную воду. Пахло дымом, рыбой и сыростью. Где-то плакал ребёнок. Где-то лаяла собака хрипло, надрывно.

— Костный Брод, сказал Яромир. Наш дом.

Мира остановилась. Посмотрела. Долго.

Дома. Люди. Дети. Женщины. Старики. Все серые. Не одежда лица. Не кожа душа. Как будто что-то выпило из них краски. Как будто что-то ждало. Мира видела женщину с ребёнком на руках её лицо было наполовину серым, потрескавшимся, как старая глиняная посуда. Видела мужчину его руки были скрючены, пальцы отсутствовали. Видела старика его глаза были мутными, серыми, как будто зрение уходило. Медленно. Неотвратно.

— Что с ними? прошептала Мира.

— Пепельная хворь, сказал Вельмир. Он стоял рядом. Смотрел на деревню. Молча. Проклятие. Пришло с востока три года назад. Сначала просто серые пятна. Потом кожа начинает отслаиваться. Медленно. Как будто тело сгорает изнутри. Лекарства нет. Магия не берёт. Мы можем только замедлить.

— И сколько они живут?

Вельмир молчал. Долго.

— Год, сказал он. Два. Кто как.

Мира смотрела на деревню. На людей. На детей. На серые лица. И чувствовала, как что-то в груди сжимается. Тяжело. Больно. Как будто она знала этих людей. Как будто они были её частью. Как будто она должна была их спасти.

— Я хочу помочь, сказала она. Не знаю как. Но хочу.

Вельмир посмотрел на неё. Тёмные глаза лёд. Но в этом льду трещина. Тонкая. Едва заметная.

— Помощь придёт, сказал он. Когда дойдём до Сердца Топи. Там первый ключ. Ритуал. Он покажет, сможешь ли ты то, что должна.

— А если не смогу?

Он не ответил. Только отвернулся.

— Отдыхай, бросил он через плечо. На рассвете выходим.

Он ушёл. Мира осталась стоять на мостках. Ветер трепал её волосы мокрые, грязные. Где-то плакал ребёнок. Где-то лаяла собака.

Яромир подошёл. Встал рядом. Молча.

— Он всегда такой? спросила Мира.

— Какой?

— Закрытый. Холодный. Как...

— Как лёд? Яромир усмехнулся. Да. С тех пор, как сестра умерла. Он был другим. Раньше. Смеялся. Пела ему мать. Он танцевал на праздниках. А потом...

Он не договорил. Не нужно было.

— Он хороший, сказал Яромир. Просто забыл об этом.

Мира смотрела на спину Вельмира удаляющегося, прямого, как клинок. И думала: «Я тоже забыла. Кто я. Зачем я. Но, может, здесь вспомню».

Оберег в кармане вспыхнул. Ярко. На одно мгновение. Как будто соглашаясь.

Ей выделили угол в одном из домов за занавеской, на тюфяке, набитом сухим мхом. Тепло. Сухо. Но сон не шёл.

Она лежала, глядя в потолок, и слушала. Болото дышало. Деревня спала. Где-то далеко на границе слышимости пела вода. Низко. Протяжно. Как колыбельная.

Оберег лежал на груди. Мира не снимала его. Не могла.

«Ты чувствуешь, прошептал голос. Воду. Она зовёт тебя».

— Кто ты? прошептала Мира в темноту. Скажи мне. Пожалуйста.

Пауза. Долгая.

«Я та, кто была до тебя. Та, кто оставила оберег. Та, кто ждала. Первая жрица. Ты моя кровь. Моя память. Моё продолжение».

— Ты умерла?

«Ушла. В Пепел. Но не умерла. Пока ты жива я жива».

Мира закрыла глаза. Слезы неожиданные, горячие потекли по щекам.

— Я не хочу, прошептала она. Не хочу быть чьим-то продолжением. Я хочу быть собой.

«Ты и есть сама. Но ты больше, чем думаешь. Спи, Мирослава. Завтра первый ключ.

Завтра ты узнаешь, кто ты на самом деле».

Голос стих. Болото вздохнуло. Мира закрыла глаза.

И впервые за всё время, что она была в этом мире, уснула.

Утром её разбудил крик.

Мира вскочила. Сердце колотилось. Оберег ледяной. Не тёплый. Не пульсирующий. Ледяной.

Она выбежала из дома. На мостках толпа. Люди. Крики. Плач.

В центре Вельмир. Стоял на коленях. Перед ним тело. Женщина. Та самая. С ребёнком. Ребёнок Плакал. Женщина нет.

Пепельная хворь забрала её за ночь.

Вельмир держал ребёнка на руках. Мальчик лет трёх цеплялся за его плащ. Смотрел на мать. Не понимал. Князь поднялся. Медленно. Лицо каменное. Но Мира видела: руки дрожали. Едва-едва.

Он обернулся. Нашёл её взглядом. В толпе. Среди чужих.

И сказал тихо, так, что слышала только она:

— Вот поэтому. Поэтому я не могу не спасти их.

Мира смотрела на него. На ребёнка. На мёртвую женщину. На серые лица вокруг.

И поняла: она не вернётся домой. Пока не закончит. Пока не поможет. Пока не узнает, кто она.

Оберег на груди нагрелся. Снова. Как будто соглашаясь.

«Добро пожаловать домой, внучка».

Мира сжала камень.

— Идём, сказала она Вельмиру. В Сердце Топи. Немедленно.

Он кивнул. Одно мгновение их взгляды встретились. И в этом мгновении было всё: боль, решимость, страх и что-то ещё. Что-то, чему Мира пока не знала названия.

— Идём, сказал он.

Эпизод 3. Между пеплом и водой

Они бежали.

Мира не понимала, куда. Ноги скользили по мокрой земле, ветки хлестали по лицу, туман забивался в лёгкие тяжёлый, влажный, пахнувший гарью и гнилью. Где-то за спиной трещал огонь. Зелёный. Злой. Он догонял. Как будто сама смерть дышала в затылок.

Вельмир не отпускал её руку. Пальцы как клещи. Жёсткие, горячие, беспощадные. Он тащил её за собой, как мешок, не оглядываясь, не спрашивая, успевает ли она. Мира спотыкалась, падала на колени, поднималась и бежала снова. Куртка зацепилась за корягу, ткань треснула. Она не заметила. Кровь стучала в висках. Лёгкие горели. Ноги не чувствовали земли.

Болото вокруг менялось. Тропа исчезла. Вместо неё чёрная вода, покрытая ряской, и корни, скользкие, как змеи. Вельмир сворачивал, петлял, нырял в проходы между кочками, которые Мира не видела, но он знал дорогу. Чувствовал. Как будто болото говорило с ним. Как будто оно было его частью.

— Сюда, бросил он.

Они нырнули под что-то низкий каменный выступ, поросший мхом, и оказались в норе. Не пещере. Именно норе: тесной, сырой, с низким потолком, где нельзя было выпрямиться в полный рост. Вельмир втащил Миру внутрь, прижал к стене ладонью к её груди, сильно, так, что она охнула, и замер.

— Тихо, выдохнул он в самое ухо.

Мира замерла.

Его рука давила на грудину. Тяжёлая. Горячая. Она чувствовала его дыхание на своей щеке быстрое, но ровное. Он не задыхался. Даже после бега. Даже после того, как тащил её на себе. Она чувствовала его сердце оно билось ровно, глубоко, как будто внутри него был свой собственный ритм. Свой собственный мир.

Снаружи пронеслось что-то. Зелёный свет скользнул по входу в нору яркий, слепящий, и исчез. Потом ещё раз. Потом тишина. Как будто смерть прошла мимо. Как будто она не нашла их. Как будто она ждала.

Вельмир не двигался. Считал. Мира слышала, как он считает беззвучно, губами. До десяти. До двадцати. До тридцати. Как будто он знал, что смерть не уходит сразу. Что она ждёт. Что она возвращается.

Потом убрал руку.

— Ушли, сказал он.

Мира выдохнула. Ноги подкосились, и она осела на землю прямо в грязь, не думая. Спина прижалась к холодному камню. Дрожь била так, что зубы стучали. Она обхватила себя руками, но это не помогало. Холод шёл изнутри. Из костей. Из крови. Из того места, где раньше была пустота, а теперь просыпалось что-то чужое.

Вельмир сел напротив. В тесноте норы его колени почти касались её коленей. Он смотрел на вход тёмный, затянутый паутиной, и молчал. Мира видела его руки мозолистые, покрытые тонкими белыми шрамами. Видела лицо резкое, усталое, с тёмными глазами без дна. Видела шрам тонкий, белый, который тянулся от виска к подбородку. Старый. Заживший.

Он не смотрел на неё. Смотрел на вход. Ждал.

— Яромир, сказала Мира. Злата. Они...

— Живы.

— Откуда ты знаешь?

Он не ответил. Только повернул голову медленно, как будто это стоило ему усилий. В темноте его глаза казались чёрными дырами. Без дна. Без света.

— Я чувствую своих, сказал он. Кровь болотников. Они ушли на восток. Пепельные за ними не пойдут там топи.

— А мы?

— Мы здесь.

Мира обхватила себя руками. Мокрые джинсы, порванная куртка, грязь под ногтями. Она выглядела как бродяжка. Чувствовала себя так же.

Нора была

Мира поняла это не сразу. Сначала просто темнота. Сырость. Камень. Потом запах. Не гниль. Не плесень. Другое. Тёплое. Как земля после дождя. Как мох весной. Как дом.

Стены мшистые, мягкие, влажные. Потолок низкий, давящий, но не страшный. Пол земляной, усыпанный листьями и хвоей. Где-то капала вода медленно, ровно, как сердце.

— Что это за место? спросила Мира.

— Нора матери-земли, сказал Вельмир. Болотники верят: земля живая. Она дышит. Она помнит. Здесь можно спрятаться. Здесь можно ждать.

— Ждать чего?

— Пока опасность не уйдёт. Он посмотрел на неё. Тёмные глаза без дна. Пока можно будет идти дальше.

Мира прислушалась. Вода капала. Земля дышала. Мох рос. Как будто нора была не просто укрытием. Как будто она была частью чего-то большего. Как будто она ждала.

— Здесь хорошо, сказала она.

Вельмир замер. Посмотрел на неё. Молча.

— Ты странная, сказал он. Ты должна бояться. Плакать. Просить помощи. А ты... он запнулся. Сидишь. Смотришь. Дышишь.

— Я боюсь, сказала Мира. Очень. Но бояться бесполезно. Я реставратор. Я привыкла работать с тем, что есть. Здесь и сейчас.

Вельмир смотрел на неё. Очень. Как будто он видел её впервые. Как будто он пытался понять: кто она? Что в ней такого? Почему она не такая, как все? Почему она не боится? Почему она не плачет? Почему она просто сидит и дышит?

— Реставратор, повторил он. Что это?

— Я чиню книги. Старые. Сломанные. Мёртвые. Я возвращаю их к жизни. Терпеливо. Медленно. По кусочку.

Он молчал. Долго. Очень.

— Как мост, сказал он наконец. Ты соединяешь то, что разорвано.

Мира замерла. Посмотрела на него. Прямо. Как будто он понял её. Как будто он увидел её. Как будто он знал.

— Да, сказала она. Как мост.

Они сидели долго.

Молча. Слушали. Болото дышало. Вода капала. Земля помнила. Мира чувствовала это кожей. Кровью. Как будто нора принимала её. Признавала. Запоминала.

Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

— Расскажи мне, сказала Мира. О войне. О расколе. Ты сказал, первая жрица разделила народы. Почему?

Вельмир молчал. Так долго, что Мира решила не ответить. Но он ответил.

— Потому что люди испугались, сказал он. Жрица владела и огнём, и водой. Она могла создавать и разрушать. Одним - словом поднимать города. Другим - сжигать их дотла. Народы, которые она объединила, начали бояться. Сначала шёпотом. Потом в открытую. Они решили, что никто не должен иметь столько силы.

— И убили её?

— Нет. Она ушла. Сама. Оставила оберег и ушла в Пепел. Никто не знает, куда. Но её кровь осталась. В пепельных. В болотниках. В тебе.

Он посмотрел на неё. Взгляд тяжёлый.

— Ты её последняя нить, Мирослава. И если ты не научишься владеть тем, что в тебе, нить оборвётся. Вместе с тобой.

Тишина.

Мира слышала, как где-то капает вода. Медленно. Раз. Другой. Третий. В такт её сердцу. Как будто вода ждала. Как будто она знала. Как будто она помнила.

— Почему ты мне это рассказываешь? спросила она. Ты же не доверяешь мне.

— Не доверяю.

— Тогда зачем?

Вельмир усмехнулся. Криво. Без веселья.

— Потому что у меня нет выбора. Он потёр лицо ладонью. Устало. Пепельные ищут тебя. Они знают, кто ты. Если они доберутся первыми мои земли сгорят. Мои люди умрут. Я не могу этого допустить.

— И поэтому ты тащишь меня через болото. Как ценный груз.

— Как оружие.

— Я не оружие, сказала Мира. Голос окреп. Я человек. У меня была жизнь. Работа. Квартира с плохим ремонтом и котом, которого я не успела покормить. Я не просила быть наследницей. Я не просила оберег. Я не просила тебя.

Вельмир смотрел на неё. Молча.

— Знаю, сказал он наконец. Но ты здесь. И ты единственная, кто может остановить то, что началось тысячу лет назад. Хочешь ты этого или нет.

Он поднялся. В тесной норе это было трудно пришлось согнуться, почти сложиться пополам. Он задел плечом камень, поморщился. Мира только сейчас заметила: кровь. На его предплечье тёмная, мокрая. Рана. Свежая.

— Ты ранен, сказала она.

— Царапина.

— Это не царапина. Ты весь в крови.

Он посмотрел на руку. Как будто только сейчас заметил. Пожал плечами.

— Заживёт.

— Дай посмотрю.

Он замер. Обернулся. Взгляд острый, недоверчивый.

— Зачем?

— Затем, что, если ты сдохнешь от заражения, я останусь одна в болоте, где меня сожрут пепельные. Мира поднялась. Это не доброта. Это расчёт. Так ты меня понимаешь? Ты сам сказал: здесь нет случайностей.

Пауза. Долгая. Как будто он решал: доверять или нет? Верить или нет? Открыться или нет?

Потом Вельмир медленно, как будто борясь с собой, опустил обратно. Протянул руку. Как будто он сдался. Как будто он позволил ей впервые сделать что-то для него.

Мира взяла её. Кожа горячая, шершавая. Под пальцами шрам, ещё один, старый. Она размотала повязку грязную, пропитанную кровью. Рана была глубокой: порез от клинка, ровный, длинный, от локтя почти до запястья. Кровь текла медленно, ровно, как будто ждала. Как будто знала.

— У меня нет ничего, сказала она. Ни бинтов, ни антисептика. В моём мире...

— В твоём мире, перебил Вельмир, ты бы вызвала лекаря. Здесь лекарей нет. Есть магия.

Он положил ладонь на рану. Закрыв глаза. Мира почувствовала, как воздух вокруг сгустился стал плотным, тёплым, как пар. Зелёный свет слабый, едва заметный пробежал по его пальцам, впитался в кожу. Как будто магия была частью его. Как будто она жила в нём. Как будто она ждала.

Рана затянулась. Не полностью остался тонкий рубец, но кровь остановилась. Края сошлись.

Вельмир открыл глаза. Посмотрел на неё.

— Твоя очередь, сказал он.

— Что?

— Ты пепельная. В тебе огонь. Я потратил силы на тебя, когда тащил. Теперь твоя очередь.

— Я не умею.

— Умеешь. Он кивнул на оберег. Он поможет. Закрой глаза. Почувствуй его. И потяни.

Мира хотела возразить. Хотела сказать, что это бред, что она не волшебница, что она реставратор, а не... Но оберег в её руке нагрелся. Сильно. До боли. И голос тот самый, женский, хриплый прошептал:

«Тяни, внучка. Ты сильнее, чем думаешь».

Мира закрыла глаза.

И потянула.

Сначала ничего.

Потом тепло. Где-то в груди, глубоко, как будто кто-то разжёл уголёк. Оно росло, поднималось, заполняло вены. Мира почувствовала, как сила течёт по рукам к ладоням, к пальцам, к кончикам ногтей. Она открыла глаза.

Её руки светились. Тускло, оранжево, как затухающие угли. На ладонях плясали крошечные искры. Как будто огонь был частью её. Как будто он жил в ней. Как будто он ждал.

Вельмир смотрел на неё. Впервые без холода. С чем-то другим. Чем-то, что Мира не могла назвать. Как будто он увидел что-то важное. Как будто он понял что-то.

— Видишь, сказал он Ты пепельная.

Мира смотрела на свои руки. На искры. На оберег, который пульсировал в такт её сердцу.

— Я никто, прошептала она. Я просто хочу домой.

Вельмир молчал. Потом неожиданно коснулся её руки. Пальцами. Легко. Почти неведомо. Как будто он хотел что-то сказать. Как будто он не знал, как. Как будто он боялся.

— Домой ты вернёшься, сказал он. Когда всё закончится.

— Ты обещаешь?

Он посмотрел ей в глаза. Тёмный взгляд без дна.

— Я не обещаю, сказал он. Я сделаю.

И в этот момент снаружи раздался голос.

— Князь! Князь, ты здесь?!

Яромир.

Вельмир отстранился. Мгновенно. Как будто между ними ничего не было. Поднялся, выглянул из норы.

— Здесь, бросил он. Злата с тобой?

— Со мной. Пепельные ушли на запад. Мы можем двигаться.

Вельмир кивнул. Обернулся к Мире. Взгляд снова лёд. Но в этом льду трещина. Тонкая. Едва заметная.

— Идём, сказал он. До Сердца Топи два дня пути. Если не будем останавливаться дойдём к рассвету.

Мира поднялась. Ноги дрожали. Руки ещё светились слабо, но заметно. Она спрятала их в карманы.

— Вельмир, сказала она.

Он остановился.

— Спасибо. За то, что не бросил.

Он не обернулся. Только плечи напряглись едва заметно. Как будто он услышал что-то, чего не ожидал. Как будто он не знал, как ответить.

— Не благодари, сказал он. Я не для тебя это делал.

И вышел.

Мира осталась одна в тёмной норе. С оберегом в кармане, с искрами под кожей, с голосом в голове, который шептал:

«Он лжёт, внучка. Он уже начал за тебя бояться».

Мира сжала кулаки.

— Заткнись, прошептала она.

И пошла следом.

Эпизод 4. Деревня на костях

Костный Брод вырос из тумана внезапно.

Мира не ждала этого. Не готовилась. Не представляла. Она шла за Вельмиром шаг в шаг, дыхание в дыхание, и вдруг деревня расступилась, туман разошёлся, и перед ней открылась жизнь. Не та, к которой она привыкла. Не питерская. Другая. Как будто мир перевернулся. Как будто она попала в другой век. В другую эпоху. В другую реальность.

Дома стояли на сваях. Кривые. Вросшие в болото. С крышами из тростника, покрытыми зелёным мхом. С окнами маленькими, узкими, как бойницы. С дверями низкими, тяжёлыми, из почерневшего дерева. Они не были красивыми. Не были удобными. Они были живыми. Как будто они выросли из земли. Как будто они были её частью.

Между домами вились мостки узкие, скользкие, перекинутые через чёрную воду. Кое-где доски прогнили. Кое-где перила сломаны. Но люди ходили по ним уверенно. Привычно. Как будто они знали каждый шорох. Каждую трещину. Каждый вздох.

Пахло дымом. Рыбой. Сыростью. Тиной. Жизнью. Как будто деревня дышала. Как будто она ждала. Как будто она помнила.

Где-то плакал ребёнок. Надрывно. Где-то лаяла собака хрипло, надрывно. Где-то пела женщина низко, протяжно, как плач. Как будто деревня была не просто местом. Как будто она была существом. Как будто она жила своей собственной жизнью.

Мира остановилась. Не могла идти. Ноги вросли в мокрые доски мостков. Сердце сжалось. Горло пересохло.

— Что это? прошептала она.

— Костный Брод, сказал Яромир. Наш дом.

Мира смотрела.

Дома. Мостки. Вода. Люди. Люди были везде. На мостках. У воды. На порогах. В окнах. Они смотрели на неё. Молча. Внимательно. Как будто они знали её. Как будто они ждали её. Как будто они боялись её.

Но что-то было не так.

Мира поняла это не сразу. Сначала просто ощущение. Тяжёлое. Липкое. Как будто воздух стал гуще. Как будто свет потускнел. Как будто что-то выпило краски из мира. Как будто смерть прошла здесь. Как будто она осталась. Как будто она ждала.

Потом увидела.

Женщина на мостках. Молодая. Красивая. С ребёнком на руках. Её лицо наполовину серое. Потрескавшееся. Как старая глиняная посуда. Кожа шелушилась. Отслаивалась. Сочилась. Как будто она горела изнутри. Как будто она умирала. Медленно. Неотвратно.

Мужчина у воды. Сильный. Широкоплечий. Его руки серые. Потрескавшиеся. Пальцы скрюченные. Не все. Некоторые отсутствовали. Как будто они отвалились. Как будто они сгорели. Как будто они умерли.

Старик на пороге. Сгорбленный. Худой. С посохом. Его глаза мутные. Серые. Как будто зрение уходило. Медленно. Неотвратно. Как будто он видел смерть. Как будто он ждал её. Как будто он знал.

Дети. Мальчик. Лет пяти. С серыми пятнами на щеках. С потрескавшимися губами. С глазами живыми. Он смотрел на Миру. Внимательно. Как будто он знал что-то. Как будто он ждал её. Как будто он надеялся.

— Что с ними? прошептала Мира. Голос дрожал.

Вельмир стоял рядом. Смотрел на деревню. Молча. Как будто он видел это каждый день. Как будто он привык. Как будто он не мог привыкнуть.

— Пепельная хворь, сказал он наконец. Ровно. Без эмоций. Проклятие. Пришло с востока три года назад. Сначала просто серые пятна. Потом кожа начинает отслаиваться. Медленно. Как будто тело сгорает изнутри. Лекарства нет. Магия не берёт. Мы можем только замедлить.

— И сколько они живут?

Вельмир молчал. Долго.

— Год, сказал он. Два. Кто как.

Мира закрыла глаза.

Она чувствовала их. Нити. Тонкие. Золотые. Живые. Но слабые. Едва заметные. Как паутина. Как дыхание. Как последний вздох. Они шли от неё к ним. Ко всем. К женщине. К мужчине. К старику. К детям. Всё соединено. Всё живо. Как будто она была частью их. Как будто они были частью её. Как будто они были одним целым.

И хворь видела её. Чувствовала. Знала. Она была не болезнью. Существом. Голодным. Терпеливым. Она ждала. Медленно. Ровно. Как будто она знала. Как будто она ждала. Как будто она была здесь всегда.

— Я хочу помочь, сказала Мира.

Вельмир посмотрел на неё. Тёмные глаза лёд. Но в этом льду трещина. Тонкая. Едва заметная.

— Помощь придёт, сказал он. Когда дойдём до Сердца Топи. Там первый ключ. Ритуал. Он покажет, сможешь ли ты то, что должна.

— А если не смогу?

Он не ответил. Только отвернулся.

— Отдыхай, бросил он через плечо. На рассвете выходим.

Вельмир стоял в центре деревни.

Мира увидела его издалека. Он говорил со стариками. Быстро. Она не слышала слов. Но видела, как он касается их. Рук. Плеч. Лиц. Как будто проверяет, живы ли ещё. Как будто напоминает.

Один из стариков сгорбленный, с посохом что-то сказал. Вельмир кивнул. Потом опустился на колено. Прямо в грязь. Прямо перед стариком. И замер. Как будто он просил прощения. Как будто он молился. Как будто он не знал, что ещё сделать.

— Что он делает? прошептала Мира.

— Просит прощения, сказала Злата.

Мира обернулась.

Ведунья стояла рядом. Высокая. Худая. В тёмном плаще с капюшоном. Лицо молодое, но старое. Как у людей, которые видели слишком много и перестали удивляться. Бледная кожа. Тёмные волосы, заплетённые в тугую косу. Глаза жёлтые. Не карие. Не зелёные. Янтарные. Как прожилка на обереге. Как будто она знала всё. Как будто она видела всё. Как будто она ждала.

— Каждый раз, сказала Злата. За то, что не успел. За то, что не может вылечить. За то, что жив, а они нет.

Мира смотрела на коленопреклонённого князя холодного, жестокого, беспощадного и чувствовала, как что-то в её груди трескается. Медленно. Как пепельная корка. Как будто она увидела его впервые. Как будто она поняла что-то. Как будто она почувствовала что-то.

Вельмир поднялся.

Отряхнул колени. Обернулся и встретился взглядом с Мирой. Она не отвела глаз. Впервые не отвела.

Он подошёл. Медленно. Остановился в шаге.

— Ты хотела знать, за что я воюю, сказал он. Вот.

Он обвёл рукой деревню. Дома. Людей. Серые лица. Потрескавшиеся руки. Детей, которые играли в грязи, не замечая, что их кожа уже начинает сереть. Как будто он показывал ей свою душу. Как будто он открывал ей сердце. Как будто он доверял ей.

— Это не война за землю, сказал он. Не война за власть. Это война за жизнь. Мои люди умирают. Медленно. Пепельные травят их. А я... он сжал кулак. Я не могу их спасти.

Мира смотрела на него. На этого человека. Князя. Убийцу. Спасителя. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был живым.

— Ты поэтому ищешь оберег, сказала она. Поэтому тащишь меня через болото. Чтобы вылечить их.

— Да.

— И поэтому ты не бросил меня. Тогда. В норе.

Он молчал.

— Я не бросаю своих, сказал он наконец. Даже тех, кого не выбирал.

Мира опустила руку в карман. Пальцы коснулись оберега. Тёплый. Пульсирующий.

— Я хочу помочь, сказала она. Не знаю как. Но хочу.

Вельмир посмотрел на неё. Взгляд долгий. Тёмный. Как болото ночью. Как будто он взвешивал. Как будто он решал. Как будто он боялся.

— Помощь придёт, сказал он. Когда дойдём до Сердца Топи. Там первый ключ. Ритуал. Он покажет, сможешь ли ты то, что должна.

— А если не смогу?

Он не ответил. Только отвернулся.

— Отдыхай, бросил он через плечо. На рассвете выходим.

Ей выделили угол в одном из домов за занавеской, на тюфяке, набитом сухим мхом. Тепло. Сухо. Но сон не шёл.

Она лежала, глядя в потолок, и слушала. Болото дышало. Деревня спала. Где-то далеко на границе слышимости пела вода. Низко. Протяжно. Как колыбельная. Как будто она пела для неё. Как будто она знала. Как будто она ждала.

Оберег лежал на груди. Мира не снимала его. Не могла.

«Ты чувствуешь, прошептал голос. Воду. Она зовёт тебя».

Голос стих. Болото вздохнуло. Мира закрыла глаза.

И впервые за всё время, что она была в этом мире, уснула.

Эпизод 5. Сердце Топи

Они шли два дня.

Болото менялось. Медленно. Сначала кочки стали выше. Трава жёстче. Вода темнее. Потом деревья исчезли. Совсем. Только мох. Только камни. Только туман. Как будто мир затаился. Как будто ждал. Как будто проверял: достойна ли она идти дальше.

Мира шла впереди. Впервые. Не потому, что вела, потому что чувствовала. Оберег на груди пульсировал быстро, взволнованно. Как будто звал. Как будто торопил.

Вельмир рядом. На полшага позади. Молчал. Смотрел. Яромир и Злата шли следом. Тоже молчали. Знали: нельзя говорить. Нельзя шуметь. Сердце Топи не любит шума.

На рассвете третьего дня они увидели его.

Мира не сразу поняла, что это. Сначала просто тень. Тёмная. Огромная. На горизонте. Потом силуэт. Ствол. Толстый. Чёрный. Как обугленный палец, указующий в небо. Потом ветви. Голые. Скрюченные. Как пальцы мертвеца. Потом корни. Толстые. Перекрученные. Как змеи. Уходящие в чёрную воду. Как будто дерево было не просто деревом. Как будто оно было существом. Как будто оно ждало.

— Древо Раскола, сказал Вельмир. Ровно.

Мира остановилась. Посмотрела. Долго.

Дерево было мёртвым. Не сухим мёртвым. Обугленным. Чёрным. Без единого листа. Без единой травинки у подножия. Только мох. Серый. Как пепел. Как хворь. Как боль.

Но что-то было не так.

Мира чувствовала это кожей. Кровью. Дерево дышало. Медленно. Ровно. Как сердце. Оно жило. Не листьями. Не соком. Чем-то другим. Глубоким. Тёмным.

— Оно живое, прошептала Мира.

— Да, сказал Вельмир. Оно помнит. Всё. Войну. Раскол. Кровь.

— И оно ждёт?

— Да. Тебя.

Они подошли ближе.

Мира видела корни толстые, как стволы молодых деревьев. Перекрученные. Слипшиеся. Уходящие в чёрную воду. Вокруг них круги. Медленные. Ровные. Как будто дерево дышало. Как будто вода отвечала.

Ствол чёрный. Гладкий. Без коры. Как обсидиан. Как камень. Как смерть. Но в нём трещины. Тонкие. Глубокие. Светящиеся изнутри. Тускло. Красновато. Как угли под пеплом.

Ветви голые. Скрюченные. Тянущиеся к небу. Как руки. Как мольба. Как проклятие.

— Здесь первая жрица разделила народы, сказала Злата. Здесь она оставила память. Первый ключ.

— Что я должна делать? спросила Мира.

Злата посмотрела на неё. Янтарные глаза тёплые.

— Коснуться, сказала она. Оберег в ладони. И смотреть. Всё, что увидишь, правда. Какой бы она ни была.

— А если я не выдержу?

Злата молчала.

— Выдержишь, сказала она наконец. Ты пепельная. Ты привыкла гореть.

Мира подошла к дереву.

Медленно. Ноги вязли во мху. Серый. Мягкий. Холодный. Она чувствовала запах дыма, пепла, чего-то ещё. Древнего. Тёмного.

Вельмир стоял позади. Не двигался. Не говорил. Ждал. Мира чувствовала его взгляд на своей спине, на своих плечах, на затылке. Тяжёлый. Тёплый. Как будто он хотел что-то сказать. Как будто он боялся. Как будто он ждал.

Мира протянула руку. Коснулась ствола.

Кора холодная. Шершавая. Как лёд, покрытый пеплом. Но под ладонью тепло. Глубокое. Живое. Как будто дерево узнало её. Признало. Запомнило.

Оберег на груди вспыхнул. Ярко. Бело.

И мир исчез.

Мира стояла на поляне.

Не болото. Не пепел. Поляна. Зелёная. Солнце тёплое. Настоящее. Птицы пели. Живые. Дети смеялись. Живые. Взрослые работали. Живые. Всё живое. Как будто мир был не мёртвым. Как будто он был живым. Как будто он ждал.

— Красиво, сказал голос.

Мира обернулась.

Женщина. Высокая. С двумя лицами. Одно молодое, красивое, с янтарными глазами. Другое старое, морщинистое, с закрытыми веками. Она была одета в белое. В руках оберег. Точно такой же, как у Миры. Как будто она была не просто женщиной. Как будто она была памятью. Как будто она ждала.

— Ты первая жрица? прошептала Мира.

— Я память первой жрицы. Она ушла. Я осталась.

Женщина шагнула вперёд. Её босые ноги не касались земли она плыла над травой.

— Ты хочешь знать, кто ты. Зачем ты здесь. Почему оберег выбрал тебя. Она улыбнулась. Оба лица улыбнулись одновременно. Я покажу. Но сначала вопрос.

— Какой?

— Что ты готова отдать?

Мира молчала. Сердце сжалось.

— Ты пришла сюда за силой, сказала жрица. За знанием. За способностью соединять. Но магия не даётся бесплатно. Первая жрица отдала всё. Свою жизнь. Свою любовь. имя. Ты готова на то же?

— Я не знаю, честно сказала Мира.

Жрица кивнула.

— Хорошо. Честность первый шаг. Тогда смотри.

Она взмахнула рукой.

И мир взорвался.

Мира увидела всё.

Рождение мира когда пепел и вода были едины, когда люди и духи жили вместе, когда магия текла рекой. Она увидела первую жрицу молодую, счастливую, влюблённую. Увидела её мужа воина с пепельными волосами. Увидела их дочь маленькую, с янтарными глазами. Как будто она была там. Как будто она помнила. Как будто она знала.

А потом войну.

Пепельные и болотники. Братья и сёстры. Огонь и вода. Жрица пыталась остановить, но не смогла. Слишком много страха. Слишком много ненависти. Она видела, как горит её дом. Как умирает муж. Как дочь её дочь тонет в болоте, потому что не умеет плавать. Потому что в ней обе крови, и обе отравлены. Как будто она тонула вместе с ней. Как будто она умирала вместе с ней. Как будто она не могла дышать.

Мира почувствовала, как её собственное сердце разрывается. Это было не её боль. Но она чувствовала. Каждую смерть. Каждую потерю. Каждое предательство. Как будто она была там. Как будто она помнила. Как будто она знала.

— Хватит! закричала она. Пожалуйста!

Жрица остановила видение. Мира упала на колени. Слёзы текли по лицу. Оберег в руке ледяной.

— Ты видела, сказала жрица. Теперь выбор. Первая жрица оставила оберег для того, кто сможет соединить. Но чтобы соединить нужно отпустить. То, что ты любишь. То, что ты помнишь. То, что делает тебя тобой.

— Я не понимаю.

— Ты должна отдать одно воспоминание. Самое дорогое. Оно станет мостом. Через него ты сможешь говорить с духами. С предками. Но ты забудешь его. Навсегда.

Мира закрыла глаза. Самое дорогое. Бабушка. Её руки. Её голос. Её сказки на ночь. Её смех. Её последний вздох в больничной палате. Как будто она была здесь. Как будто она ждала. Как будто она знала.

— Нет, прошептала она. Я не могу.

— Тогда ритуал не сработает. Ты останешься здесь. Навсегда. Между мирами. Ни живая, ни мёртвая.

Мира открыла глаза. Жрица смотрела на неё. Оба лица печальные.

— Ты непервая, кто отказывается, сказала она. Многие не выдерживают. Но ты последняя. Если ты не сможешь мир умерёт. Пепельная хворь сожрёт всех. Болотников. Пепельных. Людей. Духов. Всё.

Мира думала о бабушке. О её последнем дне. О том, как она держала её за руку. Как сказала: «Ты сильнее, чем думаешь, Мира. Ты моя кровь. Ты больше, чем просто девочка из Питера».

Она думала о Вельмире. О его сестре. О ребёнке, который потерял мать. О серых лицах в деревне. О том, как он стоял на коленях перед стариками. О том, как сказал: «Я не обещаю. Я сделаю».

Мира сделала вдох.

— Я отдам, сказала она. Но не воспоминание. Я отдам страх.

Жрица наклонила голову.

— Страх?

— Я боюсь. Всю жизнь. Боюсь потерять. Боюсь не справиться. Боюсь, что не смогу вернуться домой. Боюсь, что никогда не узнаю, кто я. Мира поднялась. Ноги дрожали, но она стояла. Я отдам это. Забери мой страх. И я пойду дальше.

Жрица молчала. Потом улыбнулась. Оба лица. Светло.

— Ты не первая жрица, сказала она. Ты лучше. Она отдала всё. Ты отдаёшь то, что мешает. Это мудрее.

Она протянула руку. Коснулась лба Миры.

— Прими.

Мира почувствовала, как что-то уходит.

Тяжёлое. Тёмное. Как камень с шеи. Как груз, который она несла всю жизнь. Страх не исчез полностью. Но стал меньше. Тише. Как будто кто-то выключил его громкость. Как будто что-то освободилось. Как будто что-то открылось. Как будто что-то ждало.

А потом пришло.

Сила. Не искры. Не тепло. Огонь и вода. Вместе. В ней. Мира почувствовала, как оберег вспыхнул ярко, до боли, и как знание полилось в неё. Как говорить с духами. Как чувствовать воду. Как соединять. Как будто она всегда знала. Как будто она всегда умела. Как будто она ждала.

Она открыла глаза.

Она стояла у дерева. На острове. Багровое небо. Чёрная вода. Злата и Яромир рядом. Живые. Настоящие.

А Вельмир перед ней. На коленях. Бледный. Руки в крови. Как будто он держал её. Как будто он не отпускал. Как будто он ждал.

— Что случилось? прошептала Мира.

— Ты кричала, сказал Яромир. Два часа. Мы не могли тебя разбудить. Князь... он...

— Он держал тебя, сказала Злата. Всё это время. Руки не убирал. Даже когда дерево жгло.

Мира посмотрела на Вельмира. На его руки обожжённые, покрытые волдырями. На его лицо измождённое, серое. Как будто он держал её. Как будто он не отпускал. Как будто он ждал.

— Ты... начала она.

— Не благодари, прохрипел он. Я не для тебя это делал.

Но Мира видела. Видела, как он смотрит. Как держит её взгляд. Как боится не за себя. За неё.

Она опустилась рядом. Взяла его руки. Свои горячие. Его холодные.

— Я знаю, сказала она. Но, всё равно спасибо.

Оберег на её груди вспыхнул. И Мира почувствовала, как сила течёт через неё в него. В его раны. В его боль. Как будто она могла. Как будто она умела. Как будто она ждала.

Вельмир вздрогнул. Посмотрел на свои руки. Волдыри затягивались. Кожа розовела. Он поднял глаза.

— Ты...

— Я наследница, сказала Мира. И я не буду оружием. Ни для тебя. Ни для пепельных. Ни для кого.

Она встала. Протянула ему руку.

— Я буду мостом. Как первая жрица. Но по-своему.

Вельмир смотрел на её руку. Потом взял. Поднялся. Их пальцы переплелись случайно. На одно мгновение. Долгое, как удар сердца.

— Мост, повторил он. Между кем и кем?

Мира улыбнулась. Впервые по-настоящему.

— Между пеплом и водой, сказала она. Между тобой и мной. Между всеми.

Дерево за их спинами вздохнуло.

Кора чёрная, мёртвая треснула. И из трещины пробился росток. Зелёный. Как будто дерево ожило. Как будто оно ждало. Как будто оно знало.

Первый ключ был пройден.

Эпизод 6. Имя

Обратный путь занял меньше времени.

Мира не уставала. Не спотыкалась. Не проваливалась в чёрную воду. Ноги сами находили тропу твёрдую, надёжную, как будто болото узнало её. Признало. Запомнило. Как будто она стала частью этого мира. Как будто она всегда была здесь. Как будто она ждала.

Оберег на её груди больше не пульсировал тревожно. Он пел. Тихо, на грани слышимости, низкий, ровный гул, как далёкий колокол. Мира чувствовала его каждой костью. И вместе с ним чувствовала всё остальное: воду под мхом, корни под водой, духов, которые прятались в тумане и смотрели на неё. Не враждебно. С надеждой. Как будто они ждали её. Как будто они знали. Как будто они помнили.

Она шла впереди. Впервые.

Вельмир не возражал.

Он шёл рядом на полшага позади, и молчал. Его руки, ещё час назад покрытые волдырями, теперь были чистыми. Розовыми. Зажившими. Мира чувствовала его взгляд на своей спине, на своих плечах, на затылке. Тяжёлый. Тёплый. Он смотрел на неё иначе. Не как на инструмент. Как на человека. Как будто он увидел её впервые. Как будто он понял что-то. Как будто он боялся что-то потерять.

Туман расступился к вечеру.

Мира увидела Костный Брод издалека низкие дома на сваях, кривые, вросшие в болото, с крышами из тростника, покрытыми зелёным мхом. Мостки узкие, скользкие, перекинутые через чёрную воду. Огни тёплые, живые, горели в окнах. Пахло дымом, рыбой, сыростью. Жизнью. Но что-то изменилось. Мира поняла это не сразу. Сначала просто ощущение. Тяжёлое. Липкое. Как будто воздух стал гуще. Как будто свет потускнел. Как будто что-то выпило краски из мира. Потом увидела. Люди вышли из домов. Медленно. Тяжело. Они стояли на мостках, у воды, на порогах. Смотрели. Молча. Внимательно. И ждали. Как будто они знали. Как будто они чувствовали. Как будто они ждали её.

Мира остановилась.

Вельмир рядом. Плечо к плечу.

— Они боятся, сказала Мира.

— Не боятся. Вельмир посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Надеются.

Яромир вышел вперёд. Целый. Улыбка до ушей. За ним Злата. Янтарные глаза тёплые. Как будто они ждали. Как будто они верили. Как будто они знали.

— Князь, сказал Яромир. Княгиня.

Мира замерла. Обернулась. Посмотрела на Вельмира. Он не спорил. Не поправлял. Только улыбнулся. Уголком губ. Как будто он соглашался. Как будто он принимал. Как будто он знал.

— Княгиня? прошептала Мира.

— Ты мост, сказал Вельмир. Мост между народами. Это больше, чем князь. Больше, чем всё. Но они не знают, как назвать. Пусть будет так.

— А ты?

— Я твой. Он сказал это просто. Без пафоса. Без сомнения. Как хочешь. Как можешь. Как будет.

Мира смотрела на него. Потом улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Хорошо, сказала она. Княгиня. Пока не придумаю лучше.

Она шагнула вперёд. К людям. К новым. К будущим.

— Я вернулась, сказала она. И я не уйду.

Тишина. Долгая.

Потом крик. Радостный. Люди бросились к ней. Обнимать. Плакать. Смеяться. Жить. Дети хватали за руки. Женщины целовали в щёки. Старики кланялись. Низко. Мира не отстранялась. Принимала. Всё. Как будто она была их частью. Как будто они были её частью. Как будто они были одним целым.

А где-то в глубине в пепле, в воде, в крови первая жрица улыбалась.

«Ты дома, внучка. Наконец. Дома».

Мальчик стоял у порога.

Тот самый. Трёх лет. С серыми пятнами на щеках. С потрескавшимися губами. С глазами живыми. Он смотрел на Миру. Внимательно. Как будто он знал. Как будто он ждал. Как будто он надеялся.

Мира остановилась.

— Вельмир, сказала она.

— Да?

— Я хочу попробовать.

Он понял сразу. Не переспросил. Не сказал «не сейчас» или «ты не готова». Только посмотрел на неё долго, внимательно, и кивнул. Как будто он ждал этого. Как будто он знал. Как будто он верил.

— Злата, бросил он. Травы. Всё, что есть.

Злата уже развязывала сумку.

Мира опустилась на колени перед мальчиком.

Он не отшатнулся. Только сжался чуть-чуть, когда она протянула руку. Пальцы у неё дрожали. Она боялась. Но страх был тихим. Далеко. Как будто за стеной. Как будто что-то изменилось. Как будто что-то освободилось. Как будто что-то ждало.

«Ты мост, прошептал голос. Не бойся. Просто почувствуй».

Мира закрыла глаза.

Она почувствовала всё. Болото под деревней живое, тёплое, дышащее. Воду под мостками чёрную, но не злую. Духов, которые вились вокруг робко, любопытно. И мальчика. Его кожу. Его кровь. Пепел в его венах серый, медленный, липкий, как грязь. Как будто хворь была не просто болезнью. Как будто она была существом. Как будто она ждала.

Хворь.

Она была Не болезнью. Существом. Голодным. Терпеливым. Оно ждало. Медленно. Ровно. Как будто она знала. Как будто она ждала. Как будто она была здесь всегда.

Мира потянулась к нему. Не магией. Не силой. Собой. Тем огнём, что горел в ней. Тем теплом, которое она получила от бабушки. От Вельмира. От всех, кто когда-либо держал её за руку.

«Иди сюда», сказала она хвори. Не голосом. Мыслью. «Я мост. Я твоя дверь. Уходи».

Хворь сопротивлялась. Цеплялась. Вгрызалась в мальчика. Мира чувствовала, как её собственная кожа горит как трескается, как серая корка ползёт по её пальцам. Она не отпустила.

«Уходи», повторила она. «Или я сожгу тебя».

Оберег вспыхнул. Ярко. До боли. Янтарная прожилка раскалилась добела.

И хворь закричала.

Не вслух. Внутри. Мира услышала низкий, злой визг, и почувствовала, как серая дрянь отступает. Медленно. Неохотно. Но отступает. Уходит из мальчика в землю, в воду, в никуда.

Мира открыла глаза.

Мальчик смотрел на неё. Его лицо чистое. Розовое. Живое. Он улыбнулся.

Мира выдохнула. Ноги подкосились. Она упала бы, но руки чужие, сильные, горячие подхватили её. Вельмир. Он держал её. Крепко. Без слов.

— Получилось, прошептала Мира. Я...

— Вижу.

Он смотрел на неё. Тёмные глаза не лёд. Огонь. Тихий. Глубокий. Такой, что у Миры перехватило дыхание.

— Ты светишься, сказал он

Мира посмотрела на свои руки. Кожа золотая. Янтарная. Как прожилка на обереге. Свет медленно гас, впитываясь обратно в тело.

— Я...

— Тише. Вельмир прижал её к себе. Крепче. Молчи. Просто дыши.

Она дышала. Впервые за всё время спокойно.

Деревня взорвалась.

Люди кричали. Плакали. Смеялись. Матери хватали детей, поднимали их, показывали на Миру смотри, смотри, она может, она может! Старики падали на колени. Яромир что-то кричал радостно, во всё горло. Злата стояла в стороне, скрестив руки, и улыбалась по-настоящему, широко, впервые.

Мира смотрела на них. На эти лица. Серые, потрескавшиеся, но живые. И чувствовала, как что-то в её груди растёт. Большое. Тёплое. Как будто она нашла то, что искала всю жизнь. Не дом. Не семью. Себя.

Вельмир отпустил её. Медленно. Нехотя. Отступил на шаг.

— Ты сделала это, сказал он. Ты исцелила его.

— Не исцелила. Замедлила. Мира покачала головой. Я не знаю, как убрать хворь совсем. Пока не знаю.

— Пока, повторил он. Это слово мне нравится.

Он посмотрел на неё. Долго. Так, что Мира почувствовала, как краска приливает к щекам.

— Мирослава, сказал он.

Не «наследница». Не «пепельная». Не «ты». Мирослава. Её имя. В его устах. Низкое. Тёплое. Как будто он пробовал его. Как будто оно было дорогим.

— Что? прошептала она.

— Ничего. Он отвернулся. Просто... хотел проверить, как звучит.

Он ушёл к старикам, к людям, к своим обязанностям. Мира осталась стоять. В центре деревни. С оберегом на груди. С золотом под кожей. С именем, которое только что стало её собственным.

Злата подошла. Встала рядом. Молча.

— Он назвал меня по имени, сказала Мира.

— Знаю.

— Это... что-то значит?

Злата усмехнулась. Хрипло. Тепло.

— Для него? Она покачала головой. Всё. Для него всё.

Мира смотрела на спину Вельмира удаляющегося, прямого, как клинок. И чувствовала, как оберег на груди поёт. Радостно. Как колыбельная.

Ночью Мира не спала.

Она сидела на мостках, свесив ноги в чёрную воду. Болото дышало. Деревня спала. Где-то далеко на границе слышимости пела вода. Низко. Протяжно. Как будто она пела для неё. Как будто она знала. Как будто она ждала.

— Не спится?

Вельмир. Он подошёл бесшумно. Сел рядом. Близко. Так, что их плечи почти соприкасались. Как будто он ждал. Как будто он знал. Как будто он хотел.

— Думаю, сказала Мира.

— О чём?

— О доме. О бабушке. О том, что я не вернусь. Она смотрела на воду. Я знала это с самого начала. Но только сейчас... поняла.

Вельмир молчал. Долго.

— Ты можешь вернуться, сказал он наконец. Когда всё закончится. Я обещал.

— Ты сказал, что не обещаешь.

— Я сказал, что сделаю.

Мира обернулась. Посмотрела на него. В багровом свете луны его лицо казалось мягче. Моложе. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был живым.

— Вельмир.

— Да?

— Спасибо. За то, что держал. Тогда. У дерева.

Он не ответил. Только посмотрел на неё. Тёмные глаза без дна. Но в этом дне звёзды. Как будто он хотел что-то сказать. Как будто он не знал, как. Как будто он боялся.

— Не благодари, сказал он. Я не для тебя это делал.

— Знаю, сказала Мира. Но всё равно спасибо.

Она положила голову ему на плечо. Просто. Без слов. Без вопроса. Просто положила. Как будто это было правильно. Как будто это было нужно. Как будто это было

Вельмир замер. На одно мгновение. Долгое, как удар сердца. А потом не отстранился.

Они сидели так. Молча. Болото дышало. Вода пела. Оберег светился. Тепло.

— Завтра, сказал Вельмир, мы пойдём дальше. Второй ключ. Пепельный двор. Там опасно. Там пепельные. И там... он запнулся. Там моя мать.

Мира подняла голову. Посмотрела на него.

— Мать?

— Верховная жрица пепельных, сказал он. Она не знает, что я жив. Она думает, что я погиб вместе с сестрой. Если она увидит меня...

— Что?

— Она убьёт меня. Или попытается.

Мира смотрела на него. На этого человека. Князя. Сына. Брата. Убийцу. Спасителя. Мужчину, который держал её два часа, пока дерево жгло его руки.

— Тогда мы пойдём вместе, сказала она. И я не дам тебя убить.

Вельмир посмотрел на неё. И впервые улыбнулся. По-настоящему. Открыто. Как мальчишка.

— Обещаешь? спросил он.

— Не обещаю, сказала Мира. Я сделаю.

Он рассмеялся. Хрипло. Как будто забыл, как это делается.

А потом взял её за руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Идём, сказал он. Завтра Пепельный двор. Сегодня спать.

Мира кивнула. Поднялась. Не отпуская его руку.

Они шли к дому. Медленно. Молча. Болото дышало им вслед. Вода пела. Оберег светился.

А где-то в глубине в пепле, в воде, в крови первая жрица улыбалась.

«Молодец, внучка. Ты нашла мост. Теперь удержи его.».

Эпизод 7. Пепельная дорога

Они вышли на рассвете.

Мира проснулась первой. До того, как небо начало светлеть. До того, как туман поднялся с болота. До того, как первый луч серый, робкий коснулся чёрной воды. Она лежала на тюфяке, набитом сухим мхом, и слушала. Болото дышало. Медленно. Ровно. Живо. Как будто оно знало, что они уходят. Как будто оно ждало. Как будто оно прощалось.

Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Впервые за всё время без оружия. Без брони. Без страха. Просто спал. Дышал ровно. Как будто он доверял ей. Как будто он знал. Как будто он ждал.

Оберег на её груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Мира смотрела на него. На профиль. На скулы. На губы. На шрам. На руку. На пальцы. Длинные. Сильные. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

Она улыбнулась. В потолок. В утро. В себя.

Яромир и Злата остались в деревне.

Мира не спорила. Вельмир объяснил коротко: Костный Брод нуждался в защите, а ведунья и воин единственные, кто мог её обеспечить. Мальчик, которого Мира исцелила, всё ещё был слаб. Его нужно было докармливать магией медленно, осторожно, день за днём. Как будто он был их частью. Как будто они были его частью. Как будто они были одним целым.

— Мы справимся, сказала Злата, когда они уходили. Ты иди. Твоё место там.

— Где?

— Рядом с ним.

Злата не уточнила, с кем. Мира не спросила.

Яромир обнял её неловко, крепко, как брат. Отстранился. Посмотрел на Вельмира.

— Князь.

— Что?

— Верни её. Он сказал это просто. Без улыбки. И себя. Оба нужны.

Вельмир кивнул. Одно мгновение их взгляды встретились. Что-то прошло между ними. Не слова. Понимание.

Потом они ушли.

Пепельная дорога начиналась за границей болот.

Мира почувствовала её сразу, как только последний мосток остался позади, а под ногами вместо мокрой земли оказалась серая пыль. Мелкая, сухая, она поднималась при каждом шаге, оседала на одежде, на волосах, на языке. Горькая. Как зола. Как смерть. Как будто земля была не просто мёртвой. Как будто она была. Как будто она ждала.

Деревья здесь были мёртвыми. Не сухими обугленными. Стволы чёрные, голые, без единого листа. Ветви скрюченные, как пальцы, тянущиеся к небу. Небо низкое. Багровое. Давящее. Как будто кто-то накрыл мир крышкой.

Мира остановилась. Посмотрела вперёд. Долго.

— Что здесь случилось? спросила она.

— Война, сказал Вельмир. Двести лет назад. Пепельные прошли через эти земли огнём. Всё, что не сгорело, умерло.

— И никто не вернулся?

— Никто не смог. Пепел не даёт жизни. Он пьёт её. Здесь даже трава не растёт.

Мира посмотрела под ноги. Пыль. Только пыль. Ни травинки, ни мха, ни жука. Ничего. Как будто жизнь здесь была не просто невозможна. Как будто она была запрещена. Как будто она ждала.

Оберег на её груди похолодел.

— Здесь больно, сказала она. Земле. Я чувствую.

Вельмир посмотрел на неё.

— Ты чувствуешь всё, сказал он. Это дар. И проклятие.

— А ты? Ты чувствуешь?

Он молчал. Потом:

— Я чувствую своих. Тех, кто жив. И тех, кто был. Здесь их много. Пепельных и болотников. Все мои. По крови. По земле. По боли.

Он отвернулся. Пошёл дальше. Мира следом.

Они шли весь день.

Молча. Слова здесь были лишними. Пепел заглушал звуки: шаги глухие, дыхание тихое, даже ветер беззвучный. Мир вокруг был мёртвым. Но не пустым. Мира чувствовала глаза. Не духи другое. Что-то старое. Голодное. Оно смотрело из-под пепла, из-за обугленных стволов, из трещин в земле. И ждало.

— Не останавливайся, сказал Вельмир, когда она замедлила шаг. Они чувствуют страх. Если ты замрёшь возьмут.

— Кто они?

— Пепельные псы. Не люди. Не звери. То, что осталось от людей. Он не обернулся. Они не нападают на тех, кто идёт. Только на тех, кто стоит.

Мира шла. Ноги горели. Лёгкие тоже. Пепел забивался в горло, царапал изнутри. Она кашляла хрипло, надрывно, и с каждым кашлем чувствовала, как слабеет. Как будто пепел пил её. Как будто он ждал. Как будто он знал.

К вечеру она упала.

Не от усталости от холода. Не телесного. Внутреннего. Оберег на груди стал ледяным, и Мира почувствовала, как тепло уходит из неё. Медленно. Как вода сквозь пальцы. Она осела на колени в серую пыль и не смогла подняться.

— Вельмир.

Он обернулся мгновенно. Подбежал. Опустился рядом. Лицо каменное, но глаза живые. Испуганные. Как будто он боялся. Как будто он знал. Как будто он ждал.

— Что? Где болит?

— Не болит. Мира смотрела на свои руки. Они серели. Как у тех людей в деревне. Как у мальчика. Оно берёт меня. Пепел. Он пьёт.

Вельмир схватил её за руки. Сжал. Горячо. Сильно.

— Слушай меня. Голос резкий. Ты пепельная. По крови. Пепел не может тебя взять. Он может только пугать. Ты сильнее.

— Я не чувствую.

— Потому что боишься. Он придвинулся ближе. Так близко, что Мира видела трещинки на его губах. Ты отдала страх у дерева. Помнишь? Ты отдала его. Это не твой страх сейчас. Это его. Пепел лжёт.

Мира смотрела на него. На его лицо. На глаза. Тёмные. Без дна. Как будто он знал. Как будто он ждал. Как будто он хотел.

— Скажи мне, прошептала она. Скажи, что я не умру.

— Ты не умрёшь, сказал он. Без паузы. Без сомнения. Потому что я не позволю.

Он прижал её к себе. Крепко. Так, что она почувствовала его сердце быстрое, горячее.

— Дыши. Просто дыши.

Мира дышала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Тепло медленно возвращалось. Пальцы розовели. Оберег нагревался.

— Получилось, прошептала она.

— Не разговаривай. Просто дыши.

Она дышала. В его плечо. В его шею. В его запах дым, кожа, что-то ещё. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

Они сидели так долго. Пока не стемнело. Пока пепел не стал серым снегом. Пока не пришла ночь.

Костёр развести было нечем.

Пепельная дорога не давала ни веток, ни сучьев только обугленные стволы, которые не горели. Вельмир не пытался. Он просто сел у подножия одного из мёртвых деревьев, притянул Миру к себе и накрыл своим плащом.

— Так теплее, сказал он.

— А ты?

— Я привык.

Мира не стала спорить. Она уже привыкла. К нему. К его рукам. К его молчанию. К тому, как он дышит ровно, глубоко, как человек, который живёт каждым вдохом. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

— Вельмир.

— М?

— Расскажи мне. О сестре.

Он замер. Руки напряглись. На одно мгновение. Долгое, как удар сердца. Как будто он боялся. Как будто он знал. Как будто он ждал.

— Её звали Лада, сказал он. Она была младше меня на два года. Смешная. Громкая. Она пела всё время. Даже когда злилась. Даже когда плакала. Она говорила: «Если петь никто не заметит, что ты боишься».

— Что с ней случилось?

— Пепельная хворь. Он смотрел в темноту. Первая. Она заболела за год до того, как хворь пришла в деревню. Никто не знал, что это. Никто не умел лечить. Я... он сжал кулак. Я был в походе. На границе. Когда вернулся она уже серела. Половина лица. Руки. Она пела, когда я вошёл. Смотрела на меня и пела. А потом...

Он замолчал. Как будто он не мог. Как будто он не хотел. Как будто он ждал.

Мира не спросила. Не нужно.

— Я не успел, сказал он. Никогда не успеваю.

Мира взяла его руку. Разжала кулак. Переплела свои пальцы с его.

— Успеешь, сказала она. Сейчас. Со мной. С нами.

Вельмир посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды.

— Ты странная, сказал он. Ты говоришь вещи, которых нет. Делаешь то, чего не бывает. Ты... он запнулся. Ты светишься, когда касаешься меня.

— Это магия.

— Нет. Он покачал головой. Это ты.

Мира смотрела на него. На это лицо. Резкое. Усталое. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

— Вельмир.

— Да?

— Если бы я не была наследницей. Если бы не было пророчества. Оберега. Войны. Всего. Ты бы... она сглотнула. Ты бы всё равно держал меня?

Он молчал. Так долго, что Мира решила не ответит. Но он ответил.

— Я бы нашёл тебя, сказал он. В любом мире. В любой жизни. Я бы нашёл. И держал. Мира закрыла глаза. Слёзы горячие, тихие потекли по щекам. Она не вытирала.

— Я не хочу тебя потерять, прошептала она. Я только нашла. Я не хочу терять.

Вельмир прижал её крепче. Губы к её волосам. Не поцелуй. Дыхание. Тёплое. Живое.

— Не потеряешь, сказал он. Я не уйду.

— Обещаешь?

— Не обещаю. Он улыбнулся. Она почувствовала это на своей коже. Я сделаю.

Мира рассмеялась. Хрипло. Сквозь слёзы.

— Ты повторяешься.

— Знаю. Он вздохнул. Ты влияешь.

Они замолчали. Пепел падал. Серый снег. Мёртвое небо. Живые люди.

— Завтра, сказал Вельмир, мы увидим Пепельный двор.

— И твою мать.

— И мою мать.

Мира подняла голову. Посмотрела на него.

— Что она за человек?

Вельмир молчал. Потом:

— Сильная. Холодная. Она верит. В пророчества. В порядок. В то, что пепельные избранный народ. А болотники ошибка. Он сжал челюсть. Она не знает, что я жив. Для неё я умер вместе с Ладой. Если она увидит меня...

— Она мать, сказала Мира. Мать не может убить сына.

— Может. Вельмир посмотрел на неё. Тёмные глаза лёд. Если сын предатель. Если он выбрал воду вместо огня. Если он любит ту, кого она считает врагом.

Мира вздрогнула.

— Ты... прошептала она. Ты говоришь о нас?

Вельмир не ответил. Только прижал её крепче. И поцеловал в волосы.

— Спи, сказал он. Я посторожу.

Мира закрыла глаза. Оберег на груди тёплый. Пепел тихий. И где-то в глубине в крови, в памяти, в судьбе первая жрица улыбалась.

«Он любит тебя, внучка. Даже если ещё не сказал. Даже если ещё не понял. Любит».

Мира улыбнулась. В темноту. В пепел. В него.

— Знаю, прошептала она. Я тоже.

Утром они увидели Пепельный двор.

Он поднимался из мёртвой земли, как кошмар. Чёрные шпили. Багровые стены. Огни зелёные, злые, горели в окнах. Вокруг армия. Сотни. Тысячи. Пепельные воины в тёмных доспехах, с копьями, светящимися зелёным. Как будто смерть была не просто смертью. Как будто она была. Как будто она ждала.

Мира смотрела на это. И чувствовала, как холод снова поднимается внутри. Не пепел. Страх. Настоящий.

— Вельмир, прошептала она.

— Вижу.

— Их слишком много.

— Знаю.

— Мы не пройдем.

Он обернулся. Посмотрел на неё. Тёмные глаза спокойные. Уверенные.

— Пройдём, сказал он. Потому что ты мост. А мост не спрашивает, сколько воды под ним. Он просто стоит.

Глава 2. Зелёная земля

Эпизод 1. Учиться дышать

Мира проснулась от того, что пела вода.

Не во сне. Наяву. Она лежала на чём-то мягком не мох, не камень, а трава. Настоящая. Зелёная. Пахучая. Как будто мир изменился. Как будто смерть осталась позади. Как будто она ждала.

Над головой небо. Не багровое. Голубое. С белыми облаками. С птицами. Как будто небо было не мёртвым. Как будто оно было живым. Как будто оно ждало.

Мира села. Сердце колотилось. Она посмотрела на свои руки чистые. Не серые. Не потрескавшиеся. Живые. Оберег на груди тёплый. Ровный. Спокойный.

— Доброе утро.

Вельмир сидел в двух шагах. На камне. Смотрел на неё. В руках что-то, завернутое в листья. Еда. Как будто он ждал. Как будто он знал. Как будто он хотел.

— Где мы? спросила Мира.

— Зелёная Заря. Он кивнул куда-то в сторону. Скрытая долина. Между Пепельным двором и горами. Здесь пепел не тронул. Здесь вода чистая. Здесь дышится.

Мира вдохнула. Глубоко. Полной грудью. Воздух был сладким. Не дым, не гниль, не пепел. Трава. Вода. Жизнь. Как будто она дышала впервые. Как будто она родилась заново. Как будто она ждала.

— Я не помню, как мы сюда дошли, сказала она. Помню пепел. Помню храм. Помню... она запнулась. Щёки вспыхнули.

Вельмир смотрел на неё. Тёмные глаза мягкие. Уголок губ дёрнулся. Как будто он улыбался. Как будто он знал. Как будто он ждал.

— Помнишь, сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Помню, прошептала Мира.

Он поднялся. Подошёл. Опустился рядом на траву, близко, так, что их колени соприкоснулись. Протянул ей свёрток.

— Ешь, сказал он. Дорога была долгой.

Мира взяла. Развернула. Внутри лепёшка. Мягкая. Тёплая. Пахла мёдом. Она откусила. Вкус настоящий. Как в детстве. Как у бабушки. Как будто она вернулась домой. Как будто она никогда не уходила. Как будто она ждала.

— Что это?

— Лада пекла такие, сказал Вельмир Когда была маленькой. Я запомнил. Как будто он делился чем-то важным. Как будто он открывался. Как будто он доверял.

Мира замерла. Проглотила. Посмотрела на него.

— Ты сам испёк?

— Злата научила. Давно. Он пожал плечами. Я не готовлю. Обычно. Но...

— Но?

— Ты спала два дня. Он смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Я волновался.

Мира смотрела на него. На этого человека. Князя. Убийцу. Спасителя. И чувствовала, как что-то в груди сжимается. Тепло. Больно. Хорошо. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

— Два дня?

— Два дня. Он кивнул. Ты сгорела. Тогда. В храме. Белое пламя. Ты погасла и не просыпалась. Я нёс тебя. Всю дорогу. На руках.

Мира опустила глаза. Лепёшка в руках дрожала.

— Ты не спал?

— Нет.

— Вообще?

— Нет.

Мира посмотрела на него. На тени под глазами. На усталость, которую он прятал. На страх, который он не прятал. Не от неё. За неё.

— Вельмир.

— М?

— Спасибо.

Он замер. Потом улыбнулся. Едва-едва. Уголком губ.

— Не благодари, сказал он. Я не для тебя это делал.

— Знаю, сказала Мира. Но всё равно спасибо.

Он рассмеялся. Хрипло.

— Ты невозможная, сказал он.

— Знаю, сказала Мира. Ты влияешь.

После завтрака Вельмир встал.

— Идём, сказал он. Пора.

— Куда?

— Учиться. Он протянул руку. Ты горела в храме. Белым огнём. Ты чувствовала воду. Ты соединяла. Но ты не умеешь управлять. Это опасно. Для тебя. Для всех.

Мира взяла его руку. Поднялась. Ноги слабые. Колени дрожали. Но она стояла.

— И что мы будем делать?

— Дышать, сказал он. Сначала дышать.

Он привёл её к озеру.

Не болото. Не топь. Озеро. Чистое. Прозрачное. С песком на дне. С рыбами. С водорослями. Как будто озеро было не просто водой. Как будто оно было живым. Как будто оно ждало. Мира смотрела на воду и видела себя. Отражение. Живое. Настоящее.

— Красиво, прошептала она.

— Это сердце долины, сказал Вельмир. Первое озеро. Первая вода. Здесь родилась жизнь. Не только наша. Вся.

Он сел на берегу. Скрестил ноги. Посмотрел на неё.

— Садись.

Мира села. Напротив. Так, что их колени соприкасались. Снова.

— Закрой глаза, сказал он. Слушай воду. Не ушами. Кожей. Как будто ты стоишь в ней. Как будто она течёт через тебя.

Мира закрыла глаза. Сначала ничего. Только ветер. Птицы. Его дыхание. Ровное. Глубокое.

Потом вода.

Она почувствовала её. Не как звук. Как движение. Медленное. Ровное. Как пульс. Как кровь. Вода текла через неё. Не в теле в чём-то другом. В том, что было глубже. В крови. В памяти. В магии.

— Чувствую, прошептала Мира.

— Хорошо. Голос Вельмира рядом. Тёплый. Теперь огонь. Не вода. Огонь. Он внутри. Найди его.

Мира искала. Вода была везде. Тихая. Спокойная. А огонь прятался. Как зверь. Как ребёнок. Как она сама до этого мира.

Она нашла его. Глубоко. В груди. Маленький. Горячий. Как уголёк под пеплом.

— Нашла, сказала она.

— Соедини.

— Как?

— Не силой. Его голос мягкий. Дыханием. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь. Пока не станут одним.

Мира дышала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вода входила. Огонь выходил. Вода входила. Огонь выходил. Медленно. Ровно. Живо.

А потом соединились.

Мира открыла глаза.

Вокруг неё свет. Не белый. Не зелёный. Золотой. Тёплый. Он шёл от её кожи. От берега. От сердца. Вода в озере светилась тем же светом. Рыбы замерли. Птицы замолчали. Мир дышал с ней.

— Вельмир, прошептала она.

Он смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Без дна.

— Ты светишься, сказал он. Как тогда. В храме. Но мягче. Теплее. Как...

— Как что?

Он замолчал. Потом улыбнулся. По-настоящему. Открыто.

— Как заря, сказал он. Пепельная заря.

Мира рассмеялась. Свет погас медленно, неохотно. Но тепло осталось. В груди. В коже. В нём.

— Я хочу научиться, сказала она. Всему. Управлять. Соединять. Исцелять. Не только замедлять. Исцелять.

— Научишься, сказал Вельмир. Со временем.

— Сколько у нас времени?

Он замер. Посмотрел на неё. Тёмные глаза боль. Тихая. Как будто он боялся. Как будто он знал. Как будто он ждал.

— Мало, сказал он. Пепельные знают о тебе. Мать знает. Она не будет ждать. Она придёт.

— Когда?

— Скоро. Он сжал кулак. Неделя. Может меньше.

Мира смотрела на него. На страх, который он прятал. На решимость, которую не прятал.

— Тогда учи меня, сказала она. Всему. Сейчас. Неделя это много.

Вельмир посмотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо, сказал он. Начнём.

Они учились до вечера.

Дыхание. Движение. Медитация. Вода огонь. Огонь вода. Мира падала. Вставала. Горела. Гасла. Снова горела. Вельмир держал. Направлял. Ждал. Как будто он был не просто князем. Как будто он был учителем. Как будто он был её.

К закату она устала так, что не могла стоять. Села на песок. Обхватила колени. Вельмир сел рядом. Молча.

— Получается? спросила Мира.

— Плохо, честно сказал он.

— Спасибо.

— Но лучше, чем утром. Он посмотрел на неё. Ты учишься. Быстро. Как...

— Как кто?

— Как я. Он улыбнулся. Криво. В детстве. Мать учила меня. Огонь. Пепел. Ненависть. Я учился быстро. Потому что боялся.

— А сейчас?

— Сейчас не боюсь. Он смотрел на закат. Небо оранжевое. Золотое. Живое. Сейчас я хочу. Это сильнее.

Мира смотрела на него. На профиль. На скулы. На губы.

— Вельмир.

— М?

— Поцелуй меня.

Он замер. Обернулся. Тёмные глаза звёзды. Без дна. Как будто он ждал. Как будто он знал. Как будто он хотел.

— Ты устала.

— Знаю.

— Ты не думаешь.

— Думаю. Мира подалась вперёд. Думаю только об этом. С храма. Может, раньше.

Вельмир смотрел на неё. Потом улыбнулся. Мягко.

— Ты невозможная, прошептал он.

— Знаю, прошептала Мира. Ты влияешь.

Он поцеловал её.

Медленно. Как будто боялся спугнуть. Как будто ждал тысячу лет. Губы горячие. Шершавые. Рука на её щеке. Другая на спине. Крепко.

Мира ответила.

Закат догорел. Небо почернело. Звёзды вспыхнули. Первые. Настоящие.

Вельмир отстранился. Посмотрел на неё. Тёмные глаза мягкие. Тёплые. Дома.

— Я не отпущу тебя, сказал он.

— Я не уйду, сказала Мира.

— Обещаешь?

— Не обещаю. Она улыбнулась. Я сделаю.

Он рассмеялся. Хрипло.

Она лежала на траве. Рядом Вельмир. Дышал ровно. Спал. Впервые за долго. Мира смотрела на звёзды. Незнакомые.

Оберег на груди тёплый. Ровный.

«Ты учишься, прошептал голос. Быстро. Хорошо».

— Спасибо, прошептала Мира.

«Не благодари. Я не для тебя это делаю. Я для мира. Но... пауза. Ты нравишься мне, внучка. Больше, чем следовало».

Мира улыбнулась. В темноту. В звёзды. В будущее.

— Ты тоже, прошептала она. Бабушка.

Тишина. Потом смех. Тёплый. Женский.

«Я не бабушка. Я больше. Но... пауза. Спасибо. За это. За меня. За всё».

Голос стих. Долина дышала. Звёзды горели. Вельмир спал.

Мира закрыла глаза.

И впервые за всё время уснула спокойно.

Эпизод 2. То, что не сказано

Утро началось с ворона.

Мира открыла глаза раньше Вельмира. Небо серое. Не багровое. Просто пасмурное. Как в Питере. Как дома. Она лежала на траве. Рядом Вельмир. Дышал ровно. Спал. Глубоко. Впервые за долго. Как будто он доверял ей. Как будто он знал. Как будто он ждал.

Мира не двигалась. Не хотела. Будить. Терять. Этот момент. Тихий. Как будто время остановилось. Как будто мир замер. Как будто она ждала.

Она смотрела на него. На профиль. На шрам тонкий, белый, что тянулся от виска к подбородку. На руку, что лежала на её талии. Тяжёлую. Тёплую. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

И тут пришёл ворон.

Он упал с неба камнем. Чёрный. Огромный. Сел на камень рядом. Посмотрел на них. Умными глазами. Как будто он знал. Как будто он ждал. Как будто он принёс что-то важное.

Вельмир открыл глаза мгновенно. Как будто не спал. Как будто ждал.

— Что это? спросила Мира.

— Вестник. Он напрягся. Злата. Только она умеет.

Он протянул руку. Ворон склонил голову. К лапе привязано. Крошечный свиток. Красный. Кровь. Как будто что-то случилось. Как будто что-то ждало. Как будто что-то было не так.

Вельмир развернул. Прочитал. Лицо побледнело.

— Что? спросила Мира.

— Костный Брод. Он сжал свиток. Пепельные пришли. Вчера. Ночью. Они жгут деревню. Мира вскочила.

— Мы должны идти.

— Нет. Вельмир поднялся. Ты не должна. Ты не готова.

— Я готова. Я была там. Я видела этих людей. Я исцелила мальчика. Я не брошу их.

— Мирослава...

— Не спорь со мной. Мира посмотрела на него. Твёрдо. Ты сам сказал: я мост. Мост не стоит в стороне. Мост идёт. Всегда.

Вельмир смотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо. Он взял её руку. Тогда вместе.

— Вместе, сказала Мира.

Они побежали.

Они бежали через Зелёную Зарю.

Не шли бежали. Трава хлестала по ногам. Ветер бил в лицо. Птицы разлетались в стороны. Мира не уставала. Не могла. Оберег на груди горел. Золото под кожей пульсировало. Как будто сила была не просто силой. Как будто она была жизнью. Как будто она ждала.

Вельмир не отставал. Рядом. Плечо к плечу. Молчал. Знал: слова лишние.

Дорога вилась между кочек, между деревьев, между камней. Мира не смотрела под ноги. Чувствовала. Вода подсказывала. Земля вела. Как будто болото само торопилось вместе с ней.

К полудню они увидели дым.

Чёрный. Густой. Злой. Он поднимался над деревней. Медленно. Тяжело. Как саван.

Мира ускорила. Вельмир за ней.

Деревня горела.

Не зелёным огнём. Обычным. Оранжевым. Злым. Дома пылали. Мостки рушились. Люди кричали. Мира видела их серые лица, потрескавшиеся руки, они бежали. Кто-то падал. Кто-то не вставал. Как будто смерть была не просто смертью. Как будто она была. Как будто она ждала.

А в центре пепельные воины.

Пятеро. В тёмных доспехах. С копьями. Зелёный свет злой. Они жгли. Методично. Как будто работали. Как будто не убивали.

— Яромир! крикнул Вельмир.

Мира увидела его. Молодой воин в крови. С мечом. Он защищал вход в один из домов. За ним дети. Трое. Мальчик, которого исцелила Мира. И ещё двое.

Злата рядом. Травы. Дым. Она пела. Низко. Протяжно. Вокруг неё купол. Слабый. Дрожащий. Защита.

— Вельмир! крикнула она. Быстрее! Я не удержу!

Вельмир бросился в бой. Меч молния. Движения смерть. Он не кричал. Не рычал. Просто убивал. Точно.

Мира осталась стоять.

Она видела всё.

Дым. Огонь. Кровь. Дети. Страх. И чувствовала. Воду в болоте. Огонь в домах. Боль земли. Смерть людей. Как будто боль была не просто болью. Как будто она была. Как будто она ждала.

Оберег на груди вспыхнул. Золото по коже. По венам. По костям.

«Ты готова, прошептал голос. Сейчас».

Мира подняла руки.

И закричала.

Не от боли. От силы. Золотой свет взрыв. Он разлился во все стороны. Не огонь. Не вода. Соединение. Он погасил пламя. Остановил копья, воинов. Всё.

На одно мгновение. Долгое, как удар сердца. Мир замер.

Потом свет погас. Мира упала на колени. Пустая. Слабая.

Вельмир подбежал. Схватил. Поднял. Лицо бледное. Глаза страх. Настоящий.

— Ты с ума сошла! закричал он. Ты чуть не умерла!

— Но получилось, прошептала Мира. Посмотри.

Он обернулся.

Пепельные воины на земле. Не мёртвые. Спящие. Огонь погас. Дети живы. Яромир смотрел на неё широко открыв глаза. Злата улыбалась. Гордо.

Деревня спасена.

— Ты... Вельмир смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Ты невозможная.

— Знаю, прошептала Мира. Ты влияешь.

Он прижал её к себе. Крепко. Сильно. Так, что больно. Так, что хорошо.

— Я люблю тебя, сказал он. Слышишь? Я люблю тебя.

Мира замерла.

Мир остановился.

Не внешний. Внутренний. Слова простые. Тихие. Но они ударили сильнее молнии. Сильнее огня. Сильнее всего. Как будто он ждал. Как будто он знал. Как будто он хотел.

Мира смотрела на него. На лицо. На глаза. На губы. Она знала. Давно. Чувствовала. Каждой клеткой. Но слышать вслух другое.

— Вельмир, прошептала она.

— Не надо слов. Он прижал её крепче. Просто знай. Я люблю тебя. С храма. С пепла. С первого взгляда.

Мира закрыла глаза. Слезы горячие, тихие потекли по щекам. Она не вытирала.

— Я тоже, прошептала она. Я тоже, слышишь? Я люблю тебя.

Вельмир замер. Посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Дома.

— Скажи ещё раз, прошептал он.

— Я люблю тебя, сказала Мира. Твёрдо.

Он поцеловал её.

Не медленно. Жарко. Как будто ждал тысячу лет. Как будто боялся, что она исчезнет. Как будто она всё.

Мира ответила. Так же. Жарко. Долго.

Деревня горела. Люди плакали. Дети кричали. Но здесь. Сейчас. В этом мгновении только они. Двое. Вместе.

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Дети спали рядом. Живые. Мальчик держал Миру за руку. Не отпускал.

— Что дальше? спросил Яромир.

— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.

— Это долго, сказала Злата.

— Да, сказала Мира. Но мы вместе. Значит справимся.

Вельмир сжал её руку. Сильнее. Теплее.

— Вместе, сказал он.

— Вместе, повторили все. Хором.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала. Будущая.

Ночью Мира вышла на берег.

Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на воду. На небо. На землю. На всё.

Мира вернулась к костру.

Вельмир стоял рядом. Всегда рядом.

— Идём? спросил он.

— Идём, сказала Мира. Дальше.

— Куда?

— К людям, сказала она. К тем, кто ещё не знает. К тем, кто боится. К тем, кто ждёт.

Мост.

— Далеко?

— Она улыбнулась. Но мы вместе. Значит справимся.

Вельмир взял её за руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Вместе, сказал он.

— Вместе, сказала Мира.

Пепельная заря вспыхнула. Новая.

Эпизод 3. Каменное сердце

Горы начались внезапно.

Ещё утром они шли по зелёной земле мягкой, живой, пахнущей травой и водой. А к полудню земля встала. Резко. Как будто кто-то сломал её пополам и поднял одну половину к небу. Скалы серые, острые, без единой травинки. Ветер ледяной. Тишина абсолютная. Как будто горы были не просто камнем. Как будто они были живыми. Как будто они ждали.

Мира остановилась. Подняла голову. Вершины терялись в тумане. Не багровом. Не зелёном. Белом. Как молоко. Как саван.

— Что это? спросила она.

— Каменное Сердце, сказал Вельмир. Второй ключ. Здесь первая жрица запечатала память о войне. Чтобы никто не повторил.

— Почему в горах?

— Потому что горы помнят дольше, чем люди. Он посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. И прощают медленнее.

Яромир и Злата остались в деревне. Мира не спорила. Костный Брод нуждался в защите снова. Пепельные вернутся. Это было ясно всем.

— Мы справимся, сказала Злата на прощание. Идите. Оба. Второй ключ важнее.

— Берегите себя, сказал Яромир. И его. Он кивнул на Вельмира. Он упрямый. Но не бессмертный.

Вельмир не ответил. Только кивнул. Одно мгновение их взгляды встретились. Что-то прошло между ними. Не слова. Понимание.

Потом они ушли.

Тропа в горы была одна.

Узкая. Каменистая. Слева стена. Справа обрыв. Внизу облака. Не вода. Облака. Мира старалась не смотреть вниз. Получалось плохо. Как будто бездна звала её. Как будто она ждала. Как будто она знала.

— Не бойся, сказал Вельмир. Тропа держится тысячу лет. Не рухнет.

— Ты уверен?

— Нет. Он улыбнулся. Уголком губ. Но надеюсь.

Мира фыркнула.

— Утешил.

— Я стараюсь.

Они шли молча. Ветер бил в лицо. Камни скользили под ногами. Мира падала дважды. Вельмир ловил её оба раза. За руку. За талию. Крепко.

— Спасибо, буркнула она во второй раз.

— Не благодари, сказал он. Я не для тебя это делаю.

— Знаю, сказала Мира. Ты привык ловить. Всё, что падает.

Он замер. Посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Без дна.

— Не всё, сказал он. Только тебя.

Мира покраснела. Отвернулась. Пошла дальше. Но руку не отпустила.

К вечеру они дошли до пещеры.

Не простой. Светящейся. Стены голубые. Не камень. Кристалл. Он пульсировал. Медленно. Как сердце. Как оберег на груди Миры. Как будто пещера была не просто пещерой. Как будто она была. Как будто она ждала.

— Второй ключ, сказал Вельмир. Внутри. Ты должна войти одна.

— Одна?

— Да. Он посмотрел на неё. Тёмные глаза лёд. Но в этом льду трещина. Тонкая. Я не могу. Пещера не пустит меня. Я пепельный. По крови. А ты мост. Ты пройдёшь.

Мира смотрела на вход. Тёмный. Глубокий.

— А если я не выйду?

— Выйдешь. Вельмир сжал её руку. Ты всегда выходишь.

— А если нет?

— Тогда я войду за тобой. Он сказал это просто. Без пафоса. Без сомнения. И разрушу эту пещеру. Камень за камнем. Пока не найду.

Мира улыбнулась. Сквозь страх. Сквозь слёзы.

— Хорошо, сказала она. Жди.

— Я всегда жду, сказал он.

Она шагнула внутрь.

Пещера была

Стены дышали. Свет пульсировал. Воздух тёплый. Пахло чем-то знакомым. Чем-то домашним. Чем-то бабушкиным. Лавандой. Старыми книгами. Детством. Как будто пещера была не просто камнем. Как будто она была памятью. Как будто она ждала.

Мира шла вперёд. Коридор вился. Спускался. Поднимался. Расширялся. Сужался. Как кишка. Как сон. Как память.

И в конце зал.

Огромный. Круглый. С алтарём в центре. На алтаре кристалл. Голубой. Прозрачный. Он светился. Ярко. Тепло. Как будто он был не просто камнем. Как будто он был жизнью. Как будто он ждал.

Мира подошла. Протянула руку. Коснулась.

И упала.

Не в обморок. В себя.

Она стояла в мастерской. В Питере. Дождь барабанил по стеклу. Бабушка сидела за верстаком. Смеялась. Что-то говорила. Мира не слышала слов. Только голос. Тёплый. Как будто она вернулась домой. Как будто она никогда не уходила. Как будто она ждала.

— Бабушка, прошептала Мира.

Бабушка обернулась. Посмотрела на неё. Прямо. В глаза.

— Ты справишься, сказала она. Ты сильнее, чем думаешь. Ты моя кровь. Ты больше, чем просто девочка из Питера.

— Я не хочу, сказала Мира. Я не хочу терять тебя. Снова.

— Ты не теряешь. Бабушка улыбнулась. Тёпло. Ты продолжаешь. Это разное.

Она исчезла.

Мира осталась одна. В темноте. В пустоте. В себе.

«Ты должна отдать, прошептал голос. Второй ключ. Не память. Не страх. Силу. Ту, что держишь в себе. Ту, что боишься».

— Какую?

«Ту, что сжигает. Ту, что может убить. Ту, что спрячешь даже от него».

Мира поняла.

Она видела её. В храме. Когда горела белым огнём. В деревне. Когда закричала и погасила всё. Эта сила была не мостом. Она была оружием. Она могла разрушать. Убивать. Сжигать. Как будто она ждала. Как будто она знала. Как будто она хотела.

Мира боялась её. Больше, чем смерти. Больше, чем пепла. Больше, чем всего.

«Отдай, прошептал голос. Или возьми. Но выбери».

Мира закрыла глаза.

Она видела Вельмира. Его лицо. Его глаза. Его руки. Она видела мальчика. Дервню. Яромира. Злату. Она видела мир Хрупкий.

И она выбрала.

— Я беру, сказала она. Не отдаю. Я принимаю. Всё. Свет. Огонь. Смерть. Жизнь. Я мост. Но мост, не значит слабость. Мост, значит сила. Та, что держит. Та, что соединяет. Та, что может разрушить, но не разрушает.

Кристалл вспыхнул.

Белым. Чистым.

Мира открыла глаза.

Она стояла у алтаря. Кристалл в её руке. Не в камне. В ней. В крови. В памяти. В сердце. Второй ключ был пройден.

Она вышла из пещеры другая.

Вельмир стоял у входа. Ждал. Всегда ждал. Увидев её, выдохнул. Глубоко. Как будто не дышал всё это время.

— Ты вышла, сказал он.

— Я вышла, сказала Мира.

Он шагнул к ней. Схватил. Прижал. Крепко. Сильно. Так, что больно. Так, что хорошо.

— Я боялся, прошептал он в её волосы. Я боялся, что потеряю.

— Не потерял, сказала Мира. Я здесь.

Он отстранился. Посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Дома.

— Ты изменилась, сказал он. Ты светишься. Иначе. Сильнее.

— Знаю. Мира улыбнулась. Я приняла. Всё. Даже то, что боялась.

Вельмир смотрел на неё. Потом поцеловал.

Не медленно. Жарко. Как будто ждал тысячу лет. Как будто боялся, что она исчезнет. Как будто она всё.

Мира ответила. Так же. Жарко. Долго.

Горы молчали. Ветер стих. Оберег на груди вспыхнул. Золото по коже. По венам. По костям.

Они стояли так долго. Пока не стемнело. Пока звёзды не вспыхнули. Пока холод не пробрал до костей.

Вельмир отстранился. Посмотрел на неё. Мягко. Тепло.

— Идём, сказал он. Третий ключ. Пепельный двор. Мать. Ритуал. Всё.

— Идём, сказала Мира. Вместе.

— Вместе, сказал он.

Они взялись за руки. Пальцы горячие. Шершавые.

И пошли вниз. К третьему ключу. К финалу. К смерти. К жизни. К выбору.

Ночью они остановились на небольшом плато.

Костёр развести было нечем только камни, только ветер, только звёзды. Вельмир сел у скалы, притянул Миру к себе, накрыл плащом.

— Так теплее, сказал он.

— А ты?

— Я привык.

Мира не спорила. Она уже привыкла. К нему. К его рукам. К его молчанию.

— Вельмир.

— М?

— Что будет после? После ритуала. После всего.

Он молчал. Долго.

— Я не знаю, сказал он наконец. Первая жрица растворилась. Ты не она. Ты другая. Может, ты найдёшь другой путь.

— А если не найду?

— Тогда я найду. Он сказал это просто. Без пафоса.

Мира закрыла глаза. Оберег на груди тёплый. Ровный.

«Он прав, прошептал голос. Ты найдёшь. Ты мост. Мост не растворяется. Мост стоит. Всегда».

Мира улыбнулась. В темноту. В звёзды. В него.

— Знаю, прошептала она. Я найду.

Вельмир прижал её крепче. Губы к её волосам. Не поцелуй. Дыхание. Тёплое. Живое.

— Спи, сказал он. Завтра Пепельный двор.

— Завтра, сказала Мира.

Она закрыла глаза.

И впервые за всё время уснула без страха.

Эпизод 4. Пепельная заря

Пепельный двор ждал.

Мира чувствовала это кожей. Стены чёрные, гладкие дышали чаще, чем в прошлый раз. Огни зелёные, злые горели ярче. Люди чистые, высокие смотрели. Впервые. Прямо. Не мимо. Как будто они знали. Как будто они ждали. Как будто они боялись.

— Они знают, сказала Мира.

— Знают, подтвердил Вельмир. Мать сказала им. Ты наследница. Ты вернулась. Они ждут.

— Чего?

— Чуда. Он посмотрел на неё. Тёмные глаза лёд. Но в этом льду трещина. Тонкая. Или смерти. Зависит от того, кто они.

Они шли через площадь. Медленно. Открыто. Не прятались. Не бежали. Шли. Как хозяйка. Как мост.

Стена та самая открылась сама. Трещина широкая, тёмная дышала. Мира не коснулась её. Просто посмотрела. И стена расступилась. Как будто она знала. Как будто она ждала. Как будто она помнила.

— Она узнала тебя, сказал Вельмир.

— Знаю, сказала Мира. Я тоже её узнала.

Храм горел.

Белым. Не зелёным. Белым. Огонь чистый, яркий заполнял всё. Стены. Колонны. Пол. Воздух. Мира шла по нему. Как по воде. Как по себе. Как будто огонь был не просто огнём. Как будто он был жизнью. Как будто он ждал.

В центре она.

Верховная жрица. Мать. Стояла спиной. Смотрела на алтарь. Не двигалась. Но Мира чувствовала: она знала. Знала всё. Знала, что они пришли. Знала, что будет. Как будто она ждала. Как будто она знала. Как будто она боялась.

— Ты вернулась, сказала жрица. Не обернулась.

— Я пришла за третьим ключом, сказала Мира. За ритуалом.

— За смертью. Жрица обернулась. Лицо маска. Глаза зелёные. Лёд. Ты знаешь, что будет. Ты знаешь, что должна. Ты знаешь, что не выживешь.

— Знаю, сказала Мира. Но я не умру.

Жрица замерла.

— Не умрёшь?

— Нет. Мира шагнула вперёд. Первая жрица растворилась. Потому что отдала всё. Я не отдам. Я возьму. Я приму. Я соединю, но останусь. С собой.

— Это невозможно.

— Это мост. Мира подняла руку. Оберег на груди вспыхнул. Белым. Чистым. Мост не растворяется. Мост стоит. Держит. Соединяет. Я мост. И я не уйду.

Жрица смотрела на неё. Маска треснула. По-настоящему. Впервые.

— Ты не первая жрица, прошептала она. Ты другая.

— Да, сказала Мира.

Ритуал начался сразу.

Не по плану. Не по книгам. По крови. Мира почувствовала, как оберег раскалился. Как золото потекло по венам. Как вода и огонь встретились в сердце.

Жрица стояла рядом. Смотрела. Ждала. Вельмир позади. Близко. Так, что Мира чувствовала его дыхание. Его страх. Его любовь.

— Ты готова? спросила жрица.

— Да, сказала Мира.

— Тогда начнём.

Жрица подняла руки. Огонь вокруг вспыхнул. Белый. Слепящий. Мира закрыла глаза.

И увидела всё.

Мир раскрылся.

Пепел и вода. Огонь и земля. Жизнь и смерть. Всё одно. Всё соединено. Мира видела нити. Тонкие, золотые, живые. Они связывали всё. Людей. Духов. Камни. Воду. Кровь. Всё держалось на этих нитях. Всё жило. Как будто мир был не просто миром. Как будто он был живым. Как будто он ждал.

И пепельная хворь видела её. Не болезнь. Разрыв. Нити рвались. Медленно. Болью. Страхом. Ненавистью. Хворь пила нити. Жрала их. Убивала. Как будто хворь была не просто болезнью. Как будто она была. Как будто она ждала.

Мира поняла.

Она не должна раствориться. Она должна связать. Заново. Сшить. Соединить. С собой. Своей кровью. Своим огнём. Своей водой. Своей жизнью.

Она потянулась к нитям. Взяла их. Соединила. Одну. Другую. Третью. Сотую. Тысячную. Больно. Смертельно. Живо.

Хворь закричала. Зелёным. Злым. Она рвалась к Мире. Жрала её. Пила. Мира не отпустила. Держала. Соединяла. Жила.

— Мирослава! голос Вельмира. Рядом. Держись! Слышишь?! Держись!

— Держусь, прошептала Мира. Держусь.

Она держала. Нити. Себя. Его. Мир.
Хворь рвала её. Жгла. Пила. Мира чувствовала, как умирает. Медленно. Болью. Страхом.
Тьмой.
И не отпускала.
«Ты сильнее, прошептал голос. Ты мост. Мост не падает. Мост стоит. Всегда».
Мира закричала.
Свет взрыв. Он разлился во все стороны. Не огонь. Не вода. Соединение. Он сжёг хворь.
Сшил нити. Остановил смерть. Всё.
На одно мгновение. Долгое, как удар сердца. Мир замер.
Потом свет погас.
Мира упала.
Она не умерла.
Она лежала на полу храма. Белый огонь погас. Зелёный вернулся. Тихий. Спокойный.
Мира дышала. Слабая.
Вельмир держал её. Крепко. Сильно. Так, что больно. Так, что хорошо.
— Ты жива, прошептал он. Ты жива. Ты жива.
— Жива, прошептала Мира. Я жива.
Он прижал её к себе. Крепко. Сильно.
— Я люблю тебя, сказал он. Слышишь? Я люблю тебя.
— Слышу, прошептала Мира. Я тоже. Я тоже.
Жрица стояла рядом. Смотрела. Маска упала. Лицо живое. Старое. Усталое.
— Ты сделала это, сказала она. Ты соединила. Ты осталась.
— Да, сказала Мира. Я мост. Мост не растворяется. Мост стоит.
Жрица опустила на колени. Перед Мирой. Верховная жрица пепельных на коленях.
Перед мостом.
— Прости, сказала она. Прости меня. Я не знала. Я боялась. Я ненавидела. Я лгала. Всю жизнь.
— Знаю, сказала Мира. Я прощаю.
Жрица заплакала.
Вельмир смотрел на мать. Молча. Потом протянул руку. Помог встать.
— Мама, сказал он. Хватит.
Жрица посмотрела на него. Потом обняла. Крепко.
Мира смотрела на них. На семью. На боль. На прощение. И чувствовала, как что-то в груди растёт. Большое. Тёплое.
Третий ключ был пройден.
Они вышли из храма вместе.
Пепельный двор изменился. Стены светлее. Огни теплее. Люди смотрели. Не мимо.
Прямо. Живо.
— Они видят тебя, сказал Вельмир.
— Знаю, сказала Мира. Я тоже их вижу.
Они шли через площадь. Медленно. Открыто. Вместе.
А где-то в глубине в пепле, в воде, в крови первая жрица улыбалась.
«Ты сделала это, внучка. Ты соединила. Ты осталась. Теперь живи.».
Мира улыбнулась. В небо. В звёзды. В будущее.
— Спасибо, прошептала она. Бабушка.
Тишина. Потом смех. Тёплый. Женский.
«Я не бабушка. Я больше. Но... пауза. Спасибо. За это. За меня. За всё.».
Голос стих. Пепел падал. Серый снег. Мёртвое небо. Живые люди.
Вельмир взял её за руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Идём, сказал он. Домой.

— Домой, сказала Мира. Вместе.

— Вместе, сказал он.

Они пошли. В зелёную землю. В будущее. В свой мир.

А где-то в горах второй ключ. Ждал. Третий тоже. Ритуал позади. Война впереди. Жизнь сейчас.

Мира улыбнулась. Крепче сжала его руку.

И шагнула в пепельную зарю.

Эпизод 5. Дорога домой

Обратная дорога была легче.

Мира не уставала. Не спотыкалась. Не проваливалась в чёрную воду. Ноги сами находили тропу твёрдую, надёжную, как будто болото узнало её. Признало. Запомнило. Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Она шла впереди. Впервые. И вела. Как будто она знала дорогу. Как будто она чувствовала. Как будто она ждала.

Вельмир рядом. На полшага позже. Молчал. Смотрел на неё. Внимательно. Как будто видел впервые. Как будто боялся, что она исчезнет.

— Что? спросила Мира, не оборачиваясь.

— Ничего. Пауза. Просто... ты идёшь иначе.

— Как?

— Уверенно. Как будто знаешь дорогу. Как будто дома.

Мира улыбнулась. В небо. В звёзды. В себя.

— Может, и дома, сказала она. Впервые. За всё время.

Вельмир догнал её. Взял за руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Я рад, сказал он. Что ты дома.

— Я тоже, сказала Мира. Что ты дома.

Он замер. Посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Без дна.

— Я никогда не был дома, сказал он. До тебя.

Мира остановилась. Обернулась. Посмотрела на него. Прямо. Долго.

— Теперь будешь, сказала она. Обещаю.

— Не обещай, сказал он. Сделай.

— Сделаю, сказала Мира. Всегда.

Он поцеловал её. В лоб. Нежно.

Они пошли дальше. В зелёную землю. В будущее. В свой мир.

Горы остались позади.

Мира не оглядывалась. Не хотела. Но чувствовала спиной, кожей, кровью. Горы помнили. Горы ждали. Горы знали. Второй ключ в её крови. В её памяти. В её сердце.

Вельмир шёл рядом. Молчал. Смотрел вперёд.

— Ты думаешь о матери? спросила Мира.

Он не ответил сразу.

— Да, сказал он наконец. О ней. О Ладе. О доме. Которого не было.

— Он будет, сказала Мира. Дом.

— Знаю. Он посмотрел на неё. Тёмные глаза мягкие. Тёплые. С тобой.

Мира сжала его руку. Сильнее. Теплее.

Они шли молча. Зелёная земля мягкая, живая, пахнущая травой и водой. Птицы пели. Вода блестела. Солнце настоящее. Тёплое. Мир дышал.

К вечеру они увидели дым.

Не чёрный. Не злой. Тёплый. Дым очагов. Много дыма. Много очагов. Деревня.

— Костный Брод, сказал Вельмир.

Мира остановилась. Посмотрела.

Дома на сваях. Кривые. Вросшие в болото. С крышами из тростника, покрытыми зелёным мхом. Мостки узкие, скользкие, перекинутые через чёрную воду. Огни тёплые, живые горели в окнах. Пахло дымом, рыбой, сыростью. Жизнью.

Но что-то изменилось. Мира поняла это не сразу. Сначала просто ощущение. Тёплое. Лёгкое. Как будто воздух стал чище. Как будто свет стал ярче. Как будто что-то вернуло краски миру.

Потом увидела.

Люди вышли из домов. Медленно. Тяжело. Они стояли на мостках, у воды, на порогах. Смотрели. Молча. Внимательно. И ждали. Как будто они знали. Как будто они ждали. Как будто они надеялись.

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Мальчик спал на коленях Миры. Все рядом.

— Что дальше? спросил Яромир.

— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.

— Это долго, сказала Злата.

— Да, сказала Мира. Но мы вместе. Значит справимся.

Вельмир сжал её руку. Сильнее. Теплее.

— Вместе, сказал он.

— Вместе, повторили все. Хором.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Эпизод 6. Возвращение

Утро началось с тишины.

Не мёртвой. Не пустой. Той, что бывает после бури. Когда мир замирает на минуту, на час, чтобы выдохнуть. Чтобы понять. Чтобы жить.

Мира проснулась первой. Глаза открылись сами. Тело знало: пора. Время. Она лежала на тюфяке, набитом сухим мхом. В доме. Тёплом. Сухом. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Впервые за всё время без оружия. Без брони. Без страха. Просто спал. Дышал ровно. Как будто он доверял ей. Как будто он знал. Как будто он ждал.

Оберег на её груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Мира смотрела на него. На профиль. На скулы. На губы. На шрам. На руку, что лежала на её талии. Тяжёлую. Тёплую. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

Она улыбнулась. В потолок. В утро. В себя.

Она встала. Чтобы не разбудить. Вышла на мостки. Посмотрела на воду.

Костный Брод просыпался. Медленно. Дым от костров. Тёплый. Голоса детей. Песня Златы. Стук молотка. Яромир чинил мостки.

Люди видели её. Улыбались. Кланялись. Не низко. Не подобострастно. Тепло. Как своей. Как будто она была их частью. Как будто они были её частью. Как будто они были одним целым.

Мира шла через деревню. Медленно. Открыто. Дома.

Мальчик тот самый подбежал. Обнял за ногу. Крепко.

— Ты пришла, сказал он.

— Я всегда прихожу, сказала Мира. Обещаю.

— Не обещай, сказал он. Серьёзно. Сделай.

Мира рассмеялась.

— Сделаю, сказала она. Всегда.

Мальчик улыбнулся. Отпустил. Убежал.

К полудню пришёл Радомир.

Мира сидела на мостках. Увидела. Не встала. Не напряглась. Просто посмотрела. Прямо.

Он шёл один. Без меча. Без доспехов. Без зелёного света. Просто человек. Усталый. Старый. Как будто он был не просто врагом. Как будто он был человеком. Как будто он был живым.

— Я не враг, сказал Радомир. Голос хриплый. Тихий. Сегодня. Пока.

— Я знаю, сказала Мира. Садись.

Он сел. Рядом. На мостки. Тяжело. Медленно. Как человек, который давно не сидел. Просто так.

— Ты не убила меня, сказал он. Вчера. Могла. Сила была. Не убила.

— Не могла, сказала Мира.

— Почему?

— Потому что ты брат. Мира посмотрела на него. Прямо. Не мой. Его. Вельмира. По крови. По пеплу. По боли. Ты учил его. Держал на руках. Пел ему. Раньше. Когда был другим. Радомир замер. Посмотрел на неё. Молча.

— Ты знаешь? прошептал он.

— Чувствую. Мира коснулась груди. Оберега. Здесь. В нём. В себе. В вас.

Радомир опустил голову. Молча. Потом заговорил.

— Я вырастил его, сказал он. После смерти отца. Мать была жрицей. Не матерью. Я был всем. Братом. Отцом. Другом. Я учил его мечу. Огню. Ненависти. Я думал, что это правда. Что это путь. Единственный.

— А теперь?

— Теперь не знаю. Он поднял глаза. Зелёные. Усталые. Вчера ты соединила. Всех. Спящих. Живых. Меня. Его. Я видел. Свет. Золотой. Тёплый. Не пепел. Не огонь. Что-то другое. Новое.

— Это мост, сказала Мира.

— Мост, повторил он. Я не знаю, что это. Но я хочу знать.

Мира улыбнулась. Протянула руку.

— Тогда останься, сказала она. Смотри. Учись. Дыши. С нами.

Радомир смотрел на руку. Долго. Очень.

Потом взял.

Вечером пришла мать.

Не жрица. Не верховная. Просто женщина. Усталая. Старая. Она вошла в деревню одна. Без свиты. Без охраны. Без зелёного света. Просто вошла. Как будто она была не жрицей. Как будто она была матерью. Как будто она ждала.

Мира увидела её с мостков. Вельмир рядом. Напрягся. Рука к мечу. Привычка.

— Не надо, сказала Мира. Она пришла как мать. Не как жрица.

— Ты уверена?

— Да. Мира взяла его за руку. Дыши. Со мной.

Вельмир выдохнул. Долго. Глубоко. Рука отпустила меч.

Мать подошла. Близко. Остановилась. Посмотрела на сына. Молча. Потом на Миру. Прямо. Тепло.

— Я пришла не воевать, сказала она. Я пришла учиться.

Мира смотрела на неё. На эту женщину. Холодную. Сломанную. И чувствовала нити. Тонкие. Золотые. Живые. От неё к Вельмиру. От неё к Мире. От неё к себе.

— Тогда дыши, сказала Мира. С нами. Вместе.

Мать закрыла глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Медленно. Ровно. Серая корка на её руках треснула. Отпала. Кожа розовая.

— Получилось, прошептала она. Впервые. За долго.

— Это начало, сказала Мира. Не конец.

Мать посмотрела на неё. Потом улыбнулась. Тепло.
— Ты мост, сказала она. Я поняла. Наконец.
Ночью они сидели у костра.
Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик спал на коленях Миры. Все рядом.
— Что дальше? спросил Яромир.
— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.
— Это долго, сказала Злата.
— Да, сказала Мира. Но мы вместе. Значит справимся.
Вельмир сжал её руку. Сильнее. Теплее.
— Вместе, сказал он.
— Вместе, повторили все. Хором.
Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала. Будущая.
Мира сидела дольше всех.
Все ушли спать. Даже Вельмир. Даже мальчик. Она осталась у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.
Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.
«Ты сделала это, прошептал голос. Всё. Что должна была.».
Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.
Мира вернулась к дому.
Вельмир стоял у порога. Ждал. Всегда ждал.
— Ты долго, сказал он.
— Думала, сказала Мира.
— О чём?
— О доме. О будущем. О нас.
Вельмир подошёл. Близко. Обнял. Крепко.
— Дом здесь, сказал он. Будущее вместе. Мы навсегда.
Мира прижалась к нему. Крепко. Сильно.
— Навсегда, повторила она.
Они стояли так долго. Пока звёзды не погасли. Пока небо не посветлело. Пока заря не вспыхнула.

Пепельная заря. Новая.

Эпизод 7. Эпилог: Пепельная заря

Прошло три дня.

Мира не считала. Просто жила. Просыпалась рядом с Вельмиром. Дышала. Учила. Строила. Соединяла. Вечерами сидела у костра. С ними. Со всеми.

Костный Брод изменился. Не узнать. Дома новые. Крепкие. Светлые. Мостки широкие. Чистые. Живые. Дети смеялись. Женщины пели. Мужчины строили. Старики учили.

Серых лиц не было. Потрескавшихся рук тоже. Хворь отступила. Не ушла. Ждала. Где-то глубоко. В земле. В воде. В памяти. Но здесь. Здесь мир.

Мира стояла на мостках. Смотрела на воду. Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

На четвёртый день пришёл Яромир.

Он сидел у костра. Молчал. Смотрел на огонь. Потом заговорил.

— Я хочу учиться, сказал он. Дышать. Соединять. Как ты.

Мира посмотрела на него. Прямо. Тепло.

— Тогда дыши, сказала она. Сейчас. Со мной.

Яромир закрыл глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Медленно. Ровно. Серая корка на его руках треснула. Отпала. Кожа розовая.

— Получилось, прошептал он. Впервые. За долго.

— Это начало, сказала Мира. Не конец.

Яромир посмотрел на неё. Потом улыбнулся. Тепло.

— Ты мост, сказал он. Я понял. Наконец.

— Я знаю, сказала Мира.

— Я воин, сказал Яромир. Ты мост. Вместе.

— Вместе, сказала Мира.

На пятый день пришла Злата.

Она сидела рядом с Мирой. Молча. Смотрела на воду. Потом заговорила.

— Я помню тебя. Другой. Когда ты пришла. В первый раз. Ты была испуганная. Злая.

Упрямая.

— Я и сейчас. Упрямая, сказала Мира.

— Да, сказала Злата. Но по-другому. Тогда ты боялась. Сейчас нет. Тогда ты не знала, кто ты. Сейчас знаешь. Тогда ты была одна. Сейчас с нами. Со мной.

Мира смотрела на неё. Тёмные глаза звёзды.

— С тобой, повторила она. Всегда.

Злата улыбнулась.

— Спасибо, сказала она.

— Не благодари, сказала Мира. Я мост. Мост для всех.

На шестой день пришёл Радомир.

Он сидел у костра. Молчал. Смотрел на огонь. Потом заговорил.

— Я хочу учиться, сказал он. Дышать. Соединять. Как ты.

Мира посмотрела на него. Прямо. Тепло.

— Тогда дыши, сказала она. Сейчас. Со мной.

Радомир закрыл глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Медленно. Ровно. Серая корка на его руках треснула. Отпала. Кожа розовая.

— Получилось, прошептал он. Впервые. За долго.

— Это начало, сказала Мира. Не конец.

Радомир посмотрел на неё. Потом улыбнулся. Тепло.

— Ты мост, сказал он. Я понял. Наконец.

— Я знаю, сказала Мира.

— Я воин, сказал Радомир. Ты мост. Вместе.

— Вместе, сказала Мира.

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Мать. Мальчик спал на коленях Миры. Все рядом.

— Что дальше? спросил Яромир.

— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.

— Это долго, сказала Злата.

— Да, сказала Мира. Но мы вместе. Значит справимся.

Вельмир сжал её руку. Сильнее. Теплее.

— Вместе, сказал он.

— Вместе, повторили все. Хором.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Глава 3. Новая заря

Эпизод 1. Новый день

Мира проснулась от того, что пела вода.

Не во сне. Наяву. Она лежала на тюфяке, набитом сухим мхом. В доме. Тёплом. Сухом. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Впервые за всё время без оружия. Без брони. Без страха. Просто спал. Дышал ровно. Как будто он доверял ей. Как будто он знал. Как будто он ждал.

Оберег на её груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Мира смотрела на него. На профиль. На скулы. На губы. На шрам. На руку, что лежала на её талии. Тяжёлую. Тёплую. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

Она улыбнулась. В потолок. В утро. В себя.

Она встала. Чтобы не разбудить. Вышла на мостки. Посмотрела на воду.

Костный Брод просыпался. Медленно. Дым от костров. Тёплый. Голоса детей. Песня Златы. Стук молотка. Яромир чинил мостки.

Но что-то изменилось. Мира поняла это не сразу. Сначала просто ощущение. Тёплое. Лёгкое. Как будто воздух стал чище. Как будто свет стал ярче. Как будто что-то вернуло краски миру. Как будто деревня была не просто деревней. Как будто она была. Как будто она ждала.

Люди видели её. Улыбались. Кланялись. Не низко. Не подобострастно. Тепло. Как своей. Как будто она была их частью. Как будто они были её частью. Как будто они были одним целым.

Мира шла через деревню. Медленно. Открыто.

Мальчик тот самый подбежал. Обнял за ногу. Крепко.

— Ты пришла, сказал он.

Мальчик улыбнулся. Отпустил. Убежал.

К полудню Мира собрала всех.

Не в доме. Не в кругу. Просто на мостках. У воды. Люди пришли. Много. Все. Женщины. Старики. Дети. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик. Вельмир рядом.

Мира посмотрела на них. На серые лица. На потрескавшиеся руки. На живые глаза.

— Я не знаю, как учить, сказала она. Честно. Прямо. Я не учитель. Я не жрица. Я не княгиня. Я реставратор. Я чиню книги. Старые. Сломанные. Мёртвые. Я возвращаю их к жизни. Терпеливо. Медленно. По кусочку.

Она подняла руку. Оберег на груди вспыхнул. Тепло.

— Ваша кожа книга. Ваша кровь чернила. Ваша хворь разрыв. Я не могу стереть её. Но я могу сшить. Заново. С вами. Если вы хотите.

Тишина. Долгая.

Потом шаг вперёд. Мальчик. Тот самый. Трёх лет. Чистый. Он протянул руку. Маленькую.

— Я хочу, сказал он. Твёрдо.

Мира опустилась на колени. Взяла его руку.

— Тогда начнём, сказала она. Дышать.

Она учила их дышать.

Не магии. Не силе. Дыханию. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь. Пока не станут одним. Пока боль не уйдёт. Пока хворь не отступит.

Сначала ничего. Люди кашляли. Падали. Плакали. Хворь сопротивлялась. Жрала. Рвала. Мира держала. Каждого. За руку. За дыхание. За жизнь.

К вечеру пришел первый.

Старик. Сгорбленный. С посохом. Тот самый. Что кланялся Вельмиру. Он сидел на мостках. Дышал. Медленно. Ровно. И серая корка на его руках треснула. Отпала. Кожа розовая.

— Получилось, прошептал он. Получилось.

Мира улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Получилось, сказала она. Дыши. Дальше. Сам.

Старик дышал. Жил.

А где-то в глубине в пепле, в воде, в крови первая жрица улыбалась.

«Ты учишь, внучка. Хорошо. Правильно. Терпеливо.».

Вельмир смотрел на неё весь день.

Не помогал. Не мешал. Просто смотрел. Как она учит. Как держит. Как дышит. Как живёт. И что-то в его глазах менялось. Медленно. Как будто он видел что-то важное. Как будто он понимал что-то. Как будто он хотел что-то.

К вечеру, когда последний ученик ушёл, живой и чистый, он подошёл. Сел рядом. На мостки. Близко. Так, что их плечи соприкасались.

— Ты устала, сказал он.

— Да, сказала Мира. Приятно.

— Ты светила. Весь день. Тепло. Как...

— Как что?

— Как заря. Он посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Пепельная заря.

Мира улыбнулась. Положила голову на его плечо.

— Вельмир.

— М?

— Ты тоже можешь. Учиться. Дышать. Соединять.

Он замер. Посмотрел на неё.

— Я пепельный, сказал он. По крови. Огонь сжигает. Не соединяет.

— Не правда. Мира подняла голову. Посмотрела на него. Прямо. Ты соединил меня. Когда держал у дерева. Когда нёс через пепел. Когда учил дышать. Ты мост. Тоже. Просто не знаешь.

Вельмир смотрел на неё. Молча. Потом улыбнулся. Мягко.

— Ты невозможная, прошептал он.

— Знаю, прошептала Мира. Ты влияешь.

Он поцеловал её. Нежно.

Закат догорел. Звёзды вспыхнули. Деревня спала.

Она сидела на мостках. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.

«Ты сделала это, прошептал голос. Первый ученик. Настоящий.».

— Спасибо, сказала Мира.

Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.

Мира вернулась к костру.

Вельмир стоял рядом. Всегда рядом.

Эпизод 2. Дыхание

Утро началось с тишины.

Не мёртвой. Не пустой. Той, что бывает после бури. Когда мир замирает на минуту, на час, чтобы выдохнуть. Чтобы понять. Чтобы жить. Мира проснулась первой. Глаза открылись сами. Тело знало: пора. Время. Она лежала на тюфяке, набитом сухим мхом. В доме. Тёплом. Сухом. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Впервые за всё время без оружия. Без брони. Без страха. Просто спал. Дышал ровно. Как будто он доверял ей. Как будто он знал. Как будто он ждал.

Оберег на её груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Мира смотрела на него. На профиль. На скулы. На губы. На шрам. На руку, что лежала на её талии. Тяжёлую. Тёплую. Как будто он был не просто князем. Как будто он был человеком. Как будто он был её.

Она улыбнулась. В потолок. В утро. В себя.

Она встала. Чтобы не разбудить. Вышла на мостки. Посмотрела на воду. Долго.

Костный Брод просыпался. Медленно. Дым от костров. Тёплый. Голоса детей. Песня Златы. Стук молотка. Яромир чинил мостки.

Мира шла через деревню. Медленно. Открыто. Дома. Люди видели её. Улыбались. Кланялись. Не низко. Не подобострастно. Тепло. Как своей. Как будто она была их частью. Как будто они были её частью. Как будто они были одним целым.

Мальчик тот самый подбежал. Обнял за ногу. Крепко.

Мальчик улыбнулся. Отпустил. Убежал.

К полудню пришёл Вельмир.

Он стоял в стороне. Смотрел. Как будто он хотел что-то сказать. Как будто он не знал, как. Как будто он боялся.

Мира учила детей. Маленьких. Трёх лет. Пяти. Семи. Они сидели на мостках. Кругом. Держались за руки. Дышали. Медленно. Ровно. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь. Как будто они были не просто детьми. Как будто они были мостами. Как будто они ждали.

Вельмир смотрел. Молчал. Потом подошёл. Близко. Остановился.

— Я хочу учиться, сказал он.

Мира посмотрела на него. Прямо. Тепло.

— Тогда дыши, сказала она. Сейчас. Со мной.

Вельмир закрыл глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Медленно. Ровно. Но ничего. Не было. Не чувствовал. Не мог. Как будто что-то мешало. Как будто что-то ждало. Как будто что-то боялось.

— Не получается, сказал он.

— Получится, сказала Мира. Ты просто не веришь.

— Во что?

— В себя. В то, что ты мост.

Она взяла его за руку.

Крепко. Сильно. И почувствовала. Нити. Тонкие. Золотые. Живые. Но не его. Её. Она тянулась к нему. К его сердцу. К его боли. К его страху. И чувствовала. Что-то. Там. Глубоко. Под пеплом. Под ненавистью. Под всем. Как будто что-то ждало. Как будто что-то знало. Как будто что-то хотело.

— Дыши, сказала она. Со мной. Вдох вода. Выдох огонь.

Вельмир дышал. Медленно. Ровно. И почувствовал. Что-то. Тепло. В груди. Глубоко. Как будто что-то проснулось. Как будто что-то ожило. Как будто что-то ждало.

— Чувствую, прошептал он.

— Хорошо, сказала Мира. Теперь соедини.

— Как?

— Не силой. Дыханием. Вдох вода. Выдох огонь. Пока не станут одним.

Вельмир дышал. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вода входила. Огонь выходил. Вода входила. Огонь выходил. Медленно. Ровно. Живо.

А потом соединились.

Вельмир открыл глаза.

Вокруг него свет. Не белый. Не зелёный. Золотой. Тёплый. Он шёл от его кожи. От его сердца. Вода в озере светилась тем же светом. Рыбы замерли. Птицы замолчали. Мир дышал с ним. Как будто он был не просто князем. Как будто он был мостом. Как будто он ждал.

— Вельмир, прошептала Мира.

Он смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Без дна.

— Я чувствую, сказал он. Всё. Тебя. Воду. Огонь. Всё.

Мира улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Ты мост, сказала она. Я знала.

Вельмир смотрел на неё. Потом улыбнулся. По-настоящему. Открыто. Как мальчишка.

— Я мост, повторил он.

Вечером они сидели у костра.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Эпизод 3. Прощение

Мира проснулась от холода.

Не телесного. Внутреннего. Оберег на груди ледяной. Янтарная прожилка потухла. Как будто что-то случилось. Как будто что-то ждало. Как будто что-то было не так.

Она села. Медленно. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Рука на её талии. Тяжёлая. Тёплая. Как будто он защищал её. Как будто он знал. Как будто он ждал.

Мира закрыла глаза. Молча. Она чувствовала. Нити. Тонкие. Золотые. Живые. И тени. Тонкие. Тёмные. Живые. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как она. Где-то далеко. Очень. Хворь. Она двигалась. Медленно. Ровно. Она шла. К ним. Как будто она знала. Как будто она ждала. Как будто она хотела.

Мира открыла глаза. Посмотрела на Вельмира. Долго.

— Вельмир, сказала она.

Он проснулся мгновенно. Как будто не спал. Как будто ждал.

— Что? спросил он.

— Хворь, сказала Мира. Она движется. Сюда.

Вельмир сел. Медленно. Посмотрел на неё. Тёмные глаза лёд. Но в этом льду трещина. Тонкая.

— Сколько у нас времени? спросил он.

— День, сказала Мира. Может два.

Он кивнул. Медленно. Тяжело.

— Тогда начнём, сказал он. Сегодня.

Мира смотрела на него. Потом кивнула.

К полудню пришла мать.

Она стояла у порога. Молча. Она смотрела на Миру. Прямо. В глаза. Как будто она хотела что-то сказать. Как будто она не знала, как. Как будто она боялась.

— Я хочу учиться, сказала она.

Мира посмотрела на неё. Потом кивнула.

— Тогда идём, сказала она. К озеру.

Они шли молча. Зелёная земля мягкая, живая, пахнущая травой и водой. Птицы пели. Вода блестела. Солнце настоящее. Тёплое. Мир дышал.

Озеро чистое, прозрачное. С песком на дне. С рыбами. С водорослями. Как будто озеро было не просто водой. Как будто оно было живым. Как будто оно ждало.

Мира села на берегу. Скрестила ноги. Посмотрела на мать.

— Садись, сказала она.

Мать села. Напротив. Так, что их колени соприкасались.

— Закрой глаза, сказала Мира. Слушай воду. Не ушами. Кожей. Как будто ты стоишь в ней. Как будто она течёт через тебя.

Мать закрыла глаза. Сначала ничего. Только ветер. Птицы. Дыхание. Потом вода. Она почувствовала её. Не как звук. Как движение. Медленное. Ровное. Как пульс. Как кровь.

— Чувствую, прошептала мать.

— Хорошо, сказала Мира. Теперь огонь. Не вода. Огонь. Он внутри. Найди его.

Мать искала. Вода была везде. Тихая. Спокойная. А огонь прятался. Как зверь. Как ребёнок. Как она сама до этого дня. Она нашла его. Глубоко. В груди. Маленький. Горячий. Как уголёк под пеплом.

— Нашла, сказала она.

— Соедини, сказала Мира.

— Как?

— Не силой. Дыханием. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь. Пока не станут одним.

Мать дышала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вода входила. Огонь выходил. Вода входила. Огонь выходил. Медленно. Ровно. Живо.

А потом соединились.

Мать открыла глаза.

Вокруг неё свет. Не белый. Не зелёный. Золотой. Тёплый. Он шёл от её кожи. От её сердца. Вода в озере светилась тем же светом. Рыбы замерли. Птицы замолчали. Мир дышал с ней. Как будто она была не просто жрицей. Как будто она была матерью. Как будто она ждала.

— Получилось, прошептала она.

Мира смотрела на неё. Тёмные глаза звёзды. Дома.

— Ты светишься, сказала она. Как заря.

Мать смотрела на неё. Потом заплакала. Молча. Слёзы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Я так долго, сказала она. Так долго. Ненавидела. Боялась. Лгала. Я думала. Что это сила. Что это путь. Единственный. А это не сила. Это боль. Моя боль. Моя смерть. Моя тьма. Как будто она видела всё. Как будто она понимала всё. Как будто она ждала.

Мира смотрела на неё. Потом взяла за руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Это не боль, сказала она. Это начало. Ты не тьма. Ты свет. Ты не смерть. Ты жизнь. Ты не враг. Ты мост.

Мать смотрела на неё. Молча. Потом улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Спасибо, сказала она.

— Не благодари, сказала Мира. Я мост. Мост для всех.

Вельмир подошёл.

Он стоял в стороне. Смотрел. Как будто он ждал. Как будто он знал. Как будто он хотел. Потом подошёл. Близко. Остановился.

— Мама, сказал он.

Мать обернулась. Посмотрела на него. Молча. Потом улыбнулась. Тепло.

— Сын, сказала она.

Она встала. Медленно. Подошла. Близко. Обняла. Крепко. Сильно. Как будто она ждала. Как будто она знала. Как будто она хотела.

Вельмир замер. На одно мгновение. Долгое, как удар сердца. А потом обнял. Крепко. Сильно.

Мира смотрела на них. На семью. На боль. На прощение. И чувствовала, как что-то в груди растёт. Большое. Тёплое.

Вечером они сидели у костра.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.

Мира вернулась к костру.
Вельмир стоял рядом. Всегда рядом.
— Идём? спросил он.
— Идём, сказала Мира. Спать.
— Спать?
— Да, сказала она. Завтра новый день. Новый мост.
Вельмир взял её за руку. Пальцы горячие. Шершавые.
— Вместе, сказал он.
— Вместе, сказала Мира.
Они пошли. В дом. Тёплый. Сухой.
Пепельная заря вспыхнула.

Эпизод 4. Зов

Мира проснулась от того, что кто-то звал её по имени.
Не голос. Не шёпот. Не звук. Что-то другое. Что-то глубже. Что-то внутри. Как будто сама земля произнесла её имя. Как будто сама вода. Как будто сам воздух.

Она открыла глаза. Темно. Ночь. Ещё ночь. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Рука на её талии. Тяжёлая. Тёплая.

Оберег на груди тёплый. Ровный. Но не такой, как раньше. Другой. Он пульсировал. Быстрее. Сильнее. Как будто звал. Как будто торопил. Как будто ждал.

Мира села. Медленно. Прислушалась. Тишина. Но не мёртвая. Наполненная. Чем-то. Кем-то.

Она встала. Чтобы не разбудить. Вышла на мостки. Посмотрела на воду. Долго.

Вода светилась. Не золотом. Не зелёным. Голубым. Холодным. Живым. Как будто вода была не просто водой. Как будто она была памятью. Как будто она ждала.

Мира закрыла глаза.

Она чувствовала. Нити. Тонкие. Золотые. Живые. Но не только. Другие. Голубые. Холодные. Живые. Они шли откуда-то. Из глубины. Из воды. Из земли. Из памяти. Они звали. Ровно. Как голос. Как песня. Как жизнь.

— Кто ты? прошептала Мира.

«Приди, сказал голос. Не тот. Другой. Женский. Молодой. Я жду. Давно. Очень.».

Мира открыла глаза. Посмотрела на воду. Потом на небо. На звёзды. На всё.

— Я иду, сказала она.

Она вошла в воду.

Медленно. Босиком. Ноги в холод. Но не чувствовала. Только тепло. Внутри. В груди. В сердце. В крови.

Вода по колено. По пояс. По грудь. Она шла. Не плыла. Шла. По дну. По песку. По камням. Вода расступалась. Не мешала. Не помогала. Просто была.

И в центре озера она.

Не сразу. Постепенно. Из воды. Из света. Из памяти. Женщина. Молодая. Красивая. С длинными волосами. С голубыми глазами. Не первая жрица. Другая. Но знакомая. Очень. Как будто она видела её. Как будто она знала её. Как будто она ждала её.

— Здравствуй, сказала женщина.

— Кто ты? спросила Мира.

— Я вода, сказала женщина. Я начало. Я жизнь. Я первая. Не жрица. Женщина. Мать.

Мира смотрела на неё. Молча. Потом заговорила.

— Зачем ты позвала?

— Чтобы дать, сказала женщина. То, что я не успела. То, что я потеряла. То, что я оставила. Тебе.

Женщина шагнула вперёд.

Медленно. Ближе. Ещё ближе. Так, что почти касалась. Она протянула руку. Коснулась груди Миры. Там, где оберег. Нежно. Тепло.

— Я даю тебе воду, сказала она. Не силу. Не магию. Память. Жизнь.

И Мира почувствовала.

Как что-то входит. В неё. В грудь. В сердце. В кровь. В кости. Всё. Как будто она пила. Как будто она дышала. Как будто она жила. Впервые. По-настоящему.

— Что это? прошептала Мира.

— Это я, сказала женщина. Моя жизнь. Моя смерть. Моя любовь. Моя боль. Всё. Теперь это твоё.

Мира смотрела на неё. Слезы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Почему? спросила она.

— Потому что ты мост, сказала женщина. А мост должен помнить. Всё. Всех.

Она улыбнулась. Светло. Печально.

— Иди, сказала она. Возвращайся. Они ждут. Всегда.

Мира вернулась.

Медленно. Она открыла глаза. На берегу. У воды. Вельмир рядом. Держал её за руку. Крепко. Сильно.

— Ты вернулась, прошептал он.

— Вернулась, сказала Мира.

Он прижал её к себе. Крепко. Сильно. Так, что больно. Так, что хорошо.

— Я боялся, сказал он. Что потеряю.

— Не потерял, сказала Мира. Я здесь.

— Я знаю, сказал он. Ты всегда. Возвращаешься.

Мира улыбнулась.

— Да, сказала она. Всегда.

Она посмотрела на свои руки.

Розовые. Чистые. Живые. Но не только. В них свет. Тёплый. Золотой. И голубой. Холодный. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как она.

Она посмотрела на Вельмира. Молча. Потом улыбнулась. Тепло.

— Я знаю, сказала она. Что вода. Что жизнь. Что я.

— Что? спросил Вельмир.

— Вода не сила, сказала Мира. Вода память. Жизнь. Первая. Мать. Она дала мне. Себя.

Вельмир смотрел на неё. Потом сжал её руку. Сильнее. Теплее.

— Тогда мы вместе, сказал он. Всё. Примем.

Мира улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Вместе, сказала она.

Вечером они сидели у костра.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Эпизод 5. Память воды

Мира проснулась до рассвета.

Не от зова. Не от тревоги. Просто проснулась. Глаза открылись сами. Тело знало: пора. Она лежала на тюфяке. В доме. Тёплом. Сухом. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Рука на её талии. Тяжёлая. Тёплая.

Оберег на её груди тёплый. Ровный. Но не такой, как раньше. Другой. Глубже. Шире. Как будто в нём что-то новое. Что-то древнее. Что-то живое.

Мира смотрела на Вельмира. На профиль. На скулы. На губы. На шрам. На руку, что лежала на её талии. Она улыбнулась.

Она встала. Чтобы не разбудить. Вышла на мостки. Посмотрела на воду.

Вода светилась. Голубым. Не золотым. Другим. Холодным. Живым. Как будто вода была не просто водой. Как будто она была памятью. Как будто она ждала.

Мира опустила на колени. Коснулась воды. Пальцами. И почувствовала.

Память. Не Чужую. Древнюю. Всю. Сразу. Как будто вода рассказала ей. Всё. О себе. О мире. О жизни. О смерти. Обо всём.

Мира увидела. Первую женщину. Не жрицу. Мать. Как она родилась. Как она росла. Как она полюбила. Как она родила. Как она потеряла. Как она умерла. Как будто она была там. Как будто она помнила. Как будто она знала.

Мира открыла глаза. Слезы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Спасибо, прошептала она.

Вода дрогнула. Как будто улыбнулась. Как будто поняла. Как будто ждала.

К полудню пришла женщина.

Молодая. С ребёнком на руках. Тот самый ребёнок. Мальчик. Трёх лет. Которого Мира исцелила. Он был чистый. Розовый. Но что-то было не так. Как будто что-то ждало. Как будто что-то знало. Как будто что-то хотело.

— Помоги, сказала женщина. Он плачет. Всю ночь. Не спит. Не ест.

Мира посмотрела на мальчика. Он смотрел на неё. Глазами живыми. Но в них что-то. Что-то чужое. Что-то древнее. Что-то тёмное. Как будто что-то смотрело. Как будто что-то ждало. Как будто что-то хотело.

Мира коснулась его. Рукой. Тёплой. И почувствовала.

Хворь. Но не та. Другая. Глубже. Она не жрала. Не пила. Она смотрела. Она помнила. Она ждала. Как будто она была не просто болезнью. Как будто она была памятью. Как будто она была жизнью.

— Я знаю, сказала Мира.

Женщина смотрела на неё. Долго.

— Что знаешь?

— Хворь, сказала Мира. Она не болезнь. Она память. Первой жрицы. Её боль. Её страх. Её смерть. Как будто она была там. Как будто она помнила. Как будто она знала.

Женщина молчала. Долго.

— Что делать?

— Я приму, сказала Мира. Его. Всё.

Она взяла мальчика на руки.

Крепко. Сильно. Он не плакал. Не кричал. Не боялся. Он смотрел на неё. Глазами живыми. И ждал.

Мира закрыла глаза. Молча. Она дышала. Медленно. Ровно. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь. Тепло росло. В груди. В сердце. В крови. В костях.

Она почувствовала. Хворь. Всю. Она не жрала. Не пила. Она смотрела. Она помнила. Она ждала. Как будто она была не просто болезнью. Как будто она была памятью. Как будто она была жизнью.

Мира потянулась к ней. Не магией. Не силой. Собой. Тем огнём, что горел в ней. Тем теплом, которое она получила от бабушки. От Вельмира. От всех.

«Иди сюда», сказала она хвори. Не голосом. Мыслью. «Я мост. Я твоя дверь. Уходи».

Хворь сопротивлялась. Цеплялась. Вгрызалась в мальчика. Мира чувствовала, как её собственная кожа горит. Как трескается. Как серая корка ползёт по её пальцам. Она не отпустила.

«Уходи», повторила она. «Или я сожгу тебя».

Оберег вспыхнул. Ярko. До боли. Янтарная прожилка раскалилась добела. И голубая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как она.

И хворь закричала.

Не вслух. Внутри. Мира услышала низкий, злой визг, и почувствовала, как серая дрянь отступает. Медленно. Неохотно. Но отступает. Уходит из мальчика. В землю. В воду. В никуда.

Мира открыла глаза. Мальчик смотрел на неё. Его лицо чистое. Розовое. Живое. Он улыбнулся.

Мира выдохнула. Ноги подкосились. Она упала бы. Но руки чужие, сильные, горячие подхватили её. Вельмир. Он держал её. Крепко. Без слов.

— Получилось, прошептала Мира.

— Вижу, сказал он.

Он смотрел на неё. Тёмные глаза не лёд. Огонь. Тихий. Глубокий. Такой, что у Миры перехватило дыхание.

— Ты светишься, сказал он

Мира посмотрела на свои руки. Кожа золотая. Янтарная. И голубая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как она. Свет медленно гас. Впитываясь обратно в тело.

— Я...

— Тише. Вельмир прижал её к себе. Крепче. Молчи. Просто дыши.

Она дышала. Впервые за всё время спокойно.

Деревня взорвалась.

Люди кричали. Плакали. Смеялись. Матери хватали детей, поднимали их, показывали на Миру смотри, смотри, она может, она может! Старики падали на колени. Яромир что-то кричал радостно, во всё горло. Злата стояла в стороне, скрестив руки, и улыбалась по-настоящему, широко, впервые. Радомир смотрел. Молча. Но в его глазах что-то. Что-то новое. Что-то живое. Мать плакала. Верховная улыбалась. Гордо.

Мира смотрела на них. На эти лица. Серые, потрескавшиеся, но живые. И чувствовала, как что-то в её груди растёт. Большое. Тёплое.

Вельмир отпустил её. Медленно. Нехотя. Отступил на шаг.

— Ты сделала это, сказал он. Ты исцелила его.

— Не исцелила. Замедлила сказала Мира. Я не знаю, как убрать хворь насовсем. Пока не знаю.

— Пока, повторил он. Это слово мне нравится.

Он посмотрел на неё. Так, что Мира почувствовала, как краска приливает к щекам.

— Мирослава, сказал он.

Не «наследница». Не «пепельная». Не «ты». Мирослава. Её имя. В его устах. Низкое. Тёплое. Как будто он пробовал его. Как будто оно было дорогим.

— Что? прошептала она.

— Ничего. Он отвернулся. Просто... хотел проверить, как звучит.

Он ушёл к старикам, к людям, к своим обязанностям. Мира осталась стоять. В центре деревни. С оберегом на груди. С золотом под кожей. С именем, которое только что стало её собственным.

Злата подошла. Встала рядом. Молча.

— Он назвал меня по имени, сказала Мира.

— Знаю.

— Это... что-то значит?

Злата усмехнулась. Хрипло. Тепло.

— Для него? Она покачала головой. Всё. Для него всё.

Мира смотрела на спину Вельмира удаляющегося, прямого, как клинок. И чувствовала, как оберег на груди поёт. Радостно. Как колыбельная.

Ночью Мира снова не спала.

Она сидела на мостках, свесив ноги в чёрную воду. Болото дышало. Деревня спала. Где-то далеко на границе слышимости пела вода. Низко. Протяжно. Как будто она пела для неё. Как будто она знала. Как будто она ждала.

— Не спится?

Вельмир. Он подошёл бесшумно. Сел рядом. Близко. Так, что их плечи почти соприкасались.

— Думаю, сказала Мира.

— О чём?

— О доме. О бабушке. О том, что я не вернусь, сказала она. Я знала это с самого начала.

Но только сейчас... поняла.

Вельмир молчал. Долго.

— Ты можешь вернуться, сказал он наконец. Когда всё закончится. Я обещал.

— Ты сказал, что не обещаешь.

— Я сказал, что сделаю.

Мира обернулась. Посмотрела на него. В багровом свете луны его лицо казалось мягче. Моложе.

— Вельмир.

— Да?

— Спасибо. За то, что держал. Тогда. У дерева.

Он не ответил. Только посмотрел на неё. Тёмные глаза без дна. Но в этом дне звёзды.

— Не благодари, сказал он. Я не для тебя это делал.

— Знаю, сказала Мира. Но всё равно спасибо.

Она положила голову ему на плечо. Просто. Без слов. Без вопроса. Просто положила.

Вельмир замер. На одно мгновение. Долгое, как удар сердца. А потом не отстранился.

Они сидели так. Молча. Болото дышало. Вода пела. Оберег светился. Тепло.

— Завтра, сказал Вельмир, мы пойдём дальше. Второй ключ. Пепельный двор. Там опасно. Там пепельные. И там... он запнулся. Там моя мать.

— Идём, сказал он. Завтра Пепельный двор. Сегодня спать.

Мира кивнула. Поднялась. Не отпуская его руку.

Они шли к дому. Медленно. Молча. Болото дышало им вслед. Вода пела. Оберег светился.

А где-то в глубине в пепле, в воде, в крови первая жрица улыбалась.

«Молодец, внучка. Ты нашла мост. Теперь удержи его.».

Эпизод 6. Дыхание двоих

Мира проснулась от прикосновения.

Не к коже. К чему-то глубже. Кровь. Память. Она открыла глаза. В доме. Ещё ночь. Рядом Вельмир. Не спал. Смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды.

— Что? прошептала Мира.

— Ничего, сказал он. Просто... смотрю.

— Долго?

— Долго.

Мира улыбнулась. В темноту.

— Ты тоже можешь, сказала она. Учиться. Глубже.

— Глубже?

— Да. Она села. Медленно. Ты научился дышать. Соединять. Но не чувствовать. Не до конца.

Вельмир смотрел на неё. Потом кивнул. Медленно. Тяжело.

— Научи, сказал он.

Мира улыбнулась.

— Тогда идём, сказала она. К озеру. До рассвета.

Они шли через спящую деревню.

Медленно. Мостки скрипели. Вода блестела. Звёзды горели. Мира впереди. Вельмир за ней. Молчали. Слова лишние. Ночь живая.

Озеро встретило их тишиной. Вода прозрачная. Светящаяся. Голубым. Ровно. Как дыхание.

Мира остановилась на берегу. Посмотрела на воду. Долго.

— Садись, сказала она. Напротив.

Вельмир сел. Напротив. Так, что их колени соприкасались.

— Закрой глаза, сказала Мира. Дыши. Но не так, как раньше. Не воду и огонь. Себя. Свою боль. Свой страх. Всё.

Вельмир закрыл глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Медленно. Ровно. Но ничего. Не чувствовал. Не мог. Как будто что-то мешало. Как будто что-то ждало. Как будто что-то боялось.

— Не получается, сказал он.

— Получится, сказала Мира. Ты просто не хочешь.

— Чего?

— Чувствовать. Боль. Страх. Всё. Ты привык прятать. Всю жизнь.

Вельмир молчал. Долго.

— Да, сказал он наконец.

Мира взяла его за руку. Крепко. Сильно. И потянула. Не силой. Собой. Своим теплом. Своей жизнью.

— Иди ко мне, сказала она. Не бойся. Я мост. Я держу.

Вельмир вздрогнул.

Как будто что-то треснуло. Внутри. Глубоко. Он почувствовал. Всё. Сразу. Боль. Старую. Древнюю. Как мир. Страх. Холодный. Липкий. Всю жизнь. Смерть. Сестры. Лады. Матери. Отца. Себя. Всё. Как будто он видел. Как будто он помнил. Как будто он знал.

Он открыл глаза. Посмотрел на Миру. Слёзы горячие. Тихие. Текли по щекам. Он не вытирал. Впервые. За долго. Может впервые вообще.

— Я чувствую, прошептал он. Всё. Боль. Страх. Всё.

— Хорошо, сказала Мира. Теперь соедини. Боль. И свет. Страх. И жизнь. Всё.

Вельмир дышал. Медленно. Ровно. Боль входила. Свет выходил. Боль входила. Свет выходил. Медленно. Ровно. Живо.

А потом соединились.

Вельмир открыл глаза.

Вокруг него свет. Не белый. Не зелёный. Золотой. Тёплый. И голубой. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они. Он светился. Не только свет. Не только тепло. Память. Боль. Страх. Всё. Как будто он был не просто князем. Как будто он был мостом. Как будто он ждал.

— Вельмир, прошептала Мира.

Он смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Без дна.

— Я чувствую тебя, сказал он. Всю. Твою боль. Твой страх. Твою жизнь. Всё.

Мира смотрела на него. Слёзы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Я тоже, прошептала она. Тебя. Всего.

Вельмир потянулся к ней. Медленно. Обнял. Крепко. Сильно. Так, что больно. Так, что хорошо.

— Я не отпущу тебя, сказал он.

— Я не уйду, сказала Мира.

— Обещаешь?

— Не обещаю. Она улыбнулась. Я сделаю.

Он рассмеялся. Хрипло.

Рассвет пришёл.

Небо серое. Не багровое. Просто серое. Как будто мир задержал дыхание. Как будто ждал. Как будто выдохнул. Вода светилась. Голубым. Золотым. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они.

Мира смотрела на Вельмира. Он смотрел на неё. Молча. Как будто они говорили. Без слов. Как будто они знали. Всё.

— Я чувствую тебя, сказал он.

— Я знаю, сказала Мира.

— Всю жизнь.

— Я знаю.

Он улыбнулся. По-настоящему. Открыто. Как мальчишка.

— Тогда идём, сказал он. Домой.

— Идём, сказала Мира.

Они взялись за руки. Пальцы горячие. Шершавые.

И пошли. В деревню. В утро.

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик спал на коленях Миры. Все рядом.

— Что дальше? спросил Яромир.

— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.

«Ты сделала это, прошептал голос. Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё одно дыхание.».

Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.

Мира вернулась к костру.

Вельмир стоял рядом. Всегда рядом.

— Идём? спросил он.

— Идём, сказала Мира. Спать.

— Спать?

— Да, сказала она. Завтра новый день. Новый мост.

Пепельная заря вспыхнула.

Эпизод 7. Эпилог: Первый шаг

Мира проснулась с первым лучом.

Не от зова. Не от тревоги. Просто проснулась. Тело знало: пора. Она лежала в доме. Тёплом. Сухом. Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Рука на её талии. Тяжёлая. Тёплая.

Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Мира смотрела на Вельмира. На профиль. На скулы. На губы. На шрам. На руку, что лежала на её талии. Она улыбнулась. В потолок. В утро. В себя.

Она встала. Чтобы не разбудить. Вышла на мостки. Посмотрела на воду. Долго.

Костный Брод просыпался. Медленно. Дым от костров. Тёплый. Голоса детей. Песня Златы. Стук молотка. Яромир чинил мостки.

К полудню Мира собрала всех на берегу.

Не для урока. Не для ритуала. Просто чтобы поговорить. Люди пришли. Много. Все. Женщины. Старики. Дети. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик держался за руку Миры. Вельмир рядом.

Мира посмотрела на них. На серые лица. На потрескавшиеся руки. На живые глаза.

— Мы не можем остаться здесь навсегда, сказала она. Хворь не ушла. Она ждёт. Другие деревни. Другие люди. Они не знают. Не умеют. Не верят.

— Я пойду дальше, сказала Мира. К ним. К тем, кто ждёт. К тем, кто боится. К тем, кто не знает. Я мост. Мост не стоит. Мост идёт. Всегда.

Она посмотрела на Вельмира.

— Я пойду с тобой, сказал он. Без паузы. Без сомнения.

— И я, сказал Яромир.

— И я, сказала Злата.

— И я, сказал Радомир.

— И я, сказала Верховная.

— И я, сказала мать.

— И я, сказал мальчик. Но твёрдо.

Мира смотрела на них. Слезы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Тогда идём, сказала она. Все. Вместе.

Они вышли на рассвете.

Медленно. Не все. Деревня не могла опустеть. Кто-то остался. Старейшины. Дети. Те, кто не мог идти. Но многие. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик на руках Миры. Вельмир рядом.

Они шли по зелёной земле. Трава мягкая. Вода блестела. Птицы пели. Солнце тёплое. Настоящее. Мир дышал.

Мира шла впереди. Не потому, что вела. Потому что знала дорогу. Чувствовала. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Вельмир рядом. На полшага позже. Молчал. Смотрел.

— Что? спросила Мира.

— Ничего, сказал он. Просто... ты идёшь иначе.

— Как?

— Свободно. Как будто знаешь, что впереди. Не боишься.

Мира улыбнулась.

— Не боюсь, сказала она. Раньше боялась. Всегда. Всю жизнь. Теперь нет.

— Почему?

— Потому что ты рядом. Потому что мы вместе. Потому что я мост. Мост не боится. Мост стоит. Всегда.

Вельмир взял её за руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Всегда, повторил он.

Ночью они остановились на островке.

Маленький. Сухой. Костёр развели быстро. Тепло. Живо. Мира сидела рядом с Вельмиром. Близко. Так, что плечи соприкасались. Радомир с другой стороны. Яромир на страже. Злата с травами. Верховная рядом. Мать с детьми.

— Вельмир, сказала Мира.

— М?

— Спасибо. За всё. За дерево. За пепел. За храм. За бой. За молчание. За слова. За тебя. За нас.

Вельмир смотрел на неё. Молча. Потом улыбнулся. Мягко.

— Ты невозможная, прошептал он.

— Знаю, прошептала Мира. Ты влияешь.

Он поцеловал её. Нежно.

Огонь трещал. Звёзды горели. Мир спал.

Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.

«Ты сделала это, прошептал голос. Всё. Что должна была. Пока.».

Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.

Мира вернулась к костру.

Вельмир стоял рядом. Всегда рядом.

— Идём? спросил он.

— Идём, сказала Мира. Дальше.

— Куда?

— К людям, сказала она. К тем, кто ещё не знает. К тем, кто боится. К тем, кто ждёт.

Мост.

Они пошли. В утро. В будущее.

Пепельная заря вспыхнула.

Глава 4. Забытые

Эпизод 1. Следующий шаг

Дорога началась там, где кончилась зелёная земля.

Мира почувствовала это сразу как только последний островок остался позади, а под ногами вместо мягкой травы оказалась каменистая почва. Не мёртвая. Не серая. Просто другая. Твёрдая. Холодная. Честная. Как будто земля говорила: дальше не сказка. Дальше путь.

Они шли уже три дня. Медленно. Не потому, что торопились, потому что не хотели упустить ничего. Яромир впереди, разведка. Злата с травами, слева. Радомир справа, меч наготове. Верховная замыкала. Мать рядом с ней. Мальчик на руках Миры, спал. Вельмир рядом. Всегда рядом.

— Ты устала? спросил он.

— Нет, сказала Мира. Не устала. Впервые.

— Почему?

— Потому что мы идём, сказала она. Не бежим. Не ждём. Просто идём. Это другое.

Вельмир посмотрел на неё. Тёмные глаза звёзды. Потом улыбнулся. Уголком губ.

— Да, сказал он. Другое.

Они шли через предгорья.

Место, где равнина встречалась с камнем. Где зелёное становилось серым. Где трава цеплялась за жизнь. Где ветер пел. Мира смотрела вокруг. Скалы высокие, гладкие, как стены древнего города. Трещины глубокие, тёмные, как морщины на лице старика. Мох серый, жёсткий, как борода. Внизу долина. Зелёная. Далеко. Очень. Как воспоминание. Как сон. Как дом.

— Красиво, сказала Мира.

— Да, сказал Вельмир. Но опасно. Здесь граница. Дальше ничьи земли. Ни пепельные. Ни болотники. Никто. Только звери. Только духи. Только те, кто потерялся.

— Ты боишься?

— Нет, сказал он. Я знаю. Это хуже.

Мира сжала его руку. Пальцы горячие. Шершавые.

— Тогда идём, сказала она. Вместе.

Он кивнул. Медленно. Тяжело.

К вечеру они остановились у ручья.

Вода чистая, прозрачная, холодная. Она текла с гор. Быстро. Ровно. Как жизнь. Как время. Как всё.

Мира опустила на колени. Зачерпнула воды. Ладонями. Пила. Вкус настоящий. Сладкий. Она чувствовала ручей. Каждую каплю. Каждое движение. Каждую жизнь.

— Ты чувствуешь воду, сказал Вельмир. Не вопрос. Утверждение.

— Да, сказала Мира. Всю. Везде. Она говорит. Со мной.

Вельмир смотрел на неё.

— Научи меня, сказал он.

Мира улыбнулась.

— Тогда слушай, сказала она.

Она взяла его за руку.

Крепко. Сильно. Опустила его ладонь в воду. Ручей обтекал. Пальцы дрожали.

— Закрой глаза, сказала Мира. Слушай. Не ушами. Кожей. Как будто ты вода. Как будто ты течёшь.

Вельмир закрыл глаза. Молча. Сначала ничего. Только холод. Только мокро. Только камень. Потом движение. Медленное. Ровное. Как пульс. Как кровь. Как жизнь.

— Чувствую, прошептал он.

— Хорошо, сказала Мира. Теперь огонь. Внутри. Найди его.
Вельмир искал. Вода была везде. Тихая. Спокойная. А огонь прятался. Как зверь. Как ребёнок. Как он сам до неё. Он нашёл его. Глубоко. В груди. Маленький. Горячий.
— Нашёл, сказал он.
— Соедини, сказала Мира.
— Как?
— Не силой. Дыханием. Вдох вода. Выдох огонь. Пока не станут одним.
Вельмир дышал. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вода входила. Огонь выходил. Вода входила. Огонь выходил. Медленно. Ровно. Живо.
А потом соединились.
Вельмир открыл глаза.
Вокруг него свет. Не белый. Не зелёный. Золотой. Тёплый. И голубой. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они. Ручей светился. Тем же светом. Рыбы замерли. Птицы замолчали. Мир дышал с ним.
— Вельмир, прошептала Мира.
Он смотрел на неё. Тёмные глаза звёзды.
— Я чувствую, сказал он. Всё. Тебя. Воду. Огонь. Всё.
Мира улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.
— Ты мост, сказала она. Я знала.
Вельмир смотрел на неё. Потом улыбнулся. По-настоящему. Открыто.
— Я мост, повторил он.
Ночью они сидели у костра.
Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик спал на коленях Мира. Все рядом.
— Завтра перевал, сказал Яромир. Дальше ничьи земли. Потом деревня. Маленькая. Забытая. Там люди. Больные. Ждут.
Мира кивнула. Медленно.
— Значит идём, сказала она. Туда. К ним.
— Ты уверена? спросил Радомир. Они могут не понять. Могут испугаться. Могут прогнать.
— Могут, сказала Мира. Но мы мосты. Мост не спрашивает. Мост идёт. Всегда.
Вельмир сжал её руку. Сильнее. Теплее.
— Вместе, сказал он.
— Вместе, повторили все. Хором.
Огонь трещал. Звёзды горели. Мир спал.
Мира не спала дольше всех.
Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.
Она смотрела на огонь. На звёзды. На ручей. На всё.
«Ты идёшь, прошептал голос. Правильно. Мост не стоит. Мост идёт. Всегда.»
— Знаю, сказала Мира.
«Завтра новый день. Новые люди. Новые мосты. Ты готова?» спросил голос.
— Да, сказала Мира. Готова. Всегда.
Голос стих. Ручей вспыхнул. Голубым. Золотым. Вместе. И погас.
Они пошли. В дом. Тёплый. Сухой.
А над горами вставала зоря. Не пепельная. Другая. Голубая. Золотая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они.
Первый шаг был сделан.
Эпизод 2. Ничьи земли
Перевал встретил их туманом.

Не тем, что стелился по болотам тяжёлым, тёплым, живым. Другим. Холодным. Рваным. Он висел между скал, как старая ткань, и ветер трепал его, не в силах разорвать. Мира остановилась. Посмотрела вперёд. Тропа узкая, каменистая исчезала в белом. Как будто мир заканчивался там. Как будто дальше ничего. Как будто пропасть.

— Ничьи земли, сказал Вельмир.

— Что там?

— Ничего, сказал он. И всё. Зависит от того, кто идёт.

Яромир впереди. Уже шагнул в туман. Исчез. Злата за ним. Радомир следом. Верховная. Мать. Мальчик на руках Мира.

— Держись за меня, сказал Вельмир. Здесь легко потеряться.

Мира кивнула. Взяла его за руку. Пальцы горячие. Шершавые. И шагнула.

Туман был живым.

Мира поняла это не сразу. Сначала просто белое. Молоко. Саван. Тишина. Но под кожей чувство. Взгляд. Много. Откуда-то. Из глубины. Из камня. Из памяти. Как будто туман не просто туман. Как будто он дышал. Как будто он помнил.

— Здесь кто-то есть, прошептала Мира.

— Духи, сказал Вельмир. Те, кто потерялся. Давно. Очень. Они не злые. Но не хотят. Чтобы уходили. Без них.

— Что им нужно?

— Чтобы их помнили, сказал он. Хотя бы кто-то. Хотя бы раз.

Мира закрыла глаза. Молча. Она чувствовала. Нити. Тонкие. Не золотые. Не голубые. Серые. Тусклые. Живые. Они шли от неё. К ним. К духам. К потерянным. К забытым. Как будто они ждали. Как будто они знали. Как будто они хотели.

Мира открыла глаза. Посмотрела в туман.

— Я помню вас, сказала она. Всех. Даже если не знаю. Кто вы. Помню.

Туман дрогнул. Медленно. Как будто вздохнул. Как будто улыбнулся. Как будто отпустил. Они шли дальше.

Мира впереди. Вельмир рядом. Мальчик проснулся. Смотрел на туман. Широко. Не боялся.

— Кто там? спросил он.

— Духи, сказала Мира.

— Какие?

— Те, кто потерялся, сказала она. Давно. Очень.

— Им плохо?

— Да, сказала Мира. Немного.

— Тогда давай их возьмём, сказал он. Просто. Как ребёнок.

Мира остановилась. Посмотрела на него. Потом улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Давай, сказала она.

Она подняла руку. Оберег на груди вспыхнул. Голубым. Золотым. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как она.

— Идите, сказала она. Все. Кто потерялся. Кто ждал. Кто хотел. Я мост. Я дверь. Идите. Туман взорвался.

Не зло. Не страх. Свет. Серый. Тёплый. Он поднялся. К небу. Растворился. Ушёл. Домой. А на камнях остались искры. Маленькие. Тёплые. Живые. Они не уходили. Они ждали.

Мира опустила на колени. Коснулась искры. Пальцами. И почувствовала. Память. Чужую. Древнюю. Женщина. Молодая. С ребёнком. Потерялась. В горах. Давно. Как будто она видела её. Как будто она знала её. Как будто она ждала её.

— Я помню, прошептала Мира. Тебя. Твоего сына. Всё.

Искра вспыхнула. Ярко. И погасла. Ушла.

К вечеру они вышли к деревне.

Забытой. Маленькой. Серой. Как будто забытой. Давно. Очень. Дома низкие. Кривые. Вросшие в камень. Крыши дырявые. Стены треснувшие. Ни огня. Ни голосов. Ни жизни. Только тишина. Как будто смерть прошла здесь. Как будто она осталась. Как будто она ждала.

— Здесь, сказал Яромир. Та деревня. Забытая.

Мира смотрела на неё. Молча. Потом закрыла глаза.

Она чувствовала. Боль. Здесь. В земле. В камне. В воздухе. Хворь. Но не та. Другая. Старая. Тихая. Медленная. Она не жрала. Не пила. Она ждала. Она спала.

— Здесь больно, прошептала Мира. Земле. Камню. Всему.

— Хворь? спросил Вельмир.

— Да, сказала Мира. Но не та. Она спит. Ждёт. Кого-то.

Она открыла глаза. Посмотрела на него. Прямо.

— Я пойду, сказала она. Одна.

— Мирослава...

— Не спорь. Она шагнула вперёд. Я мост. Мост не спрашивает. Мост идёт. Всегда.

Вельмир смотрел на неё. Молча. Потом кивнул.

— Хорошо, сказал он. Вместе.

— Вместе, сказала Мира.

Они вошли в деревню.

Медленно. Люди выходили из домов. Медленно. Тяжело. Они не смотрели на них. Не говорили. Не боялись. Они просто стояли. Молча. Ждали. Как будто они знали. Как будто они ждали. Как будто они хотели.

Впереди старуха. Сгорбленная. С посохом. С глазами белыми. Слепыми.

— Кто вы? спросила она. Голос низкий. Ровный.

— Я Мирослава, сказала Мира. Мост. Между пеплом и водой. Между всеми.

— Мост? Старуха прищурилась. Мы не верим в мосты. Мы верим в смерть. Она приходила. Давно. И осталась.

— Знаю, сказала Мира. Я её чувствую. Она здесь. Спит. Ждёт.

— Чего?

— Меня, сказала Мира.

Эпизод 3. Спящая

Старуха стояла неподвижно.

Белые глаза слепые. Но видели. Не глазами. Чем-то другим. Она смотрела на Миру. Молча. Потом улыбнулась. Едва-едва. Уголком губ.

— Значит ты, сказала она.

— Я, сказала Мира.

— Мы ждали, сказала старуха. Очень. Я уже не помню. Когда начали. Помню только тишину. И сон.

— Кто вы?

— Мы забытые, сказала старуха. Те, кто не нужен. Никому. Ни пепельным. Ни болотникам. Ни себе. Хворь пришла. Давно. Мы не боролись. Не могли. Она забрала нас. Медленно. Мы уснули. И не проснулись.

Мира смотрела на неё. Потом на деревню. На дома. На людей. Они стояли. Молча. Не двигались. Как будто спали. Наяву. Как будто ждали. Как будто хотели.

— Я разбужу, сказала Мира.

— Не сможешь, сказала старуха. Хворь не та. Она не жрёт. Не пьёт. Она держит. Крепко.

— Я мост, сказала Мира. Мост держит. Тоже. Крепче.

Она шагнула вперёд. К старухе. Близко. Ещё ближе. Остановилась. В шаге. Посмотрела в белые глаза. Прямо. Тепло.

— Покажи, сказала она.

Старуха взяла её за руку.

Крепко. Сильно. И Мира почувствовала. Всё. Сразу. Хворь. Она была не в земле. Не в воде. Не в воздухе. Она была в людях. В каждом. В сердце. В крови. В памяти. Она не жрала. Не пила. Она держала. Как паук. Как сеть. Как сон. Как будто она была не просто болезнью. Как будто она была памятью. Как будто она была жизнью.

Мира закрыла глаза. Молча. Она дышала. Медленно. Ровно. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь. Тепло росло. В груди. В сердце. В крови. В костях. Всё.

Она потянулась. К хвори. Не магией. Не силой. Собой. Тем огнём, что горел в ней. Тем теплом, которое она получила от бабушки. От Вельмира. От всех.

«Иди сюда», сказала она хвори. Не голосом. Мыслью. «Я мост. Я твоя дверь. Уходи».

Хворь сопротивлялась. Цеплялась. Вгрызалась в людей. Мира чувствовала, как её собственная кожа горит. Как трескается. Как серая корка ползёт по её пальцам. Она не отпустила.

«Уходи», повторила она. «Или я сожгу тебя».

Оберег вспыхнул. Ярко. До боли. Янтарная прожилка раскалилась добела. И голубая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как она.

И хворь закричала.

Не вслух. Внутри. Мира услышала низкий, злой визг, и почувствовала, как серая дрянь отступает. Медленно. Неохотно. Но отступает. Уходит из людей. В землю. В воду. В никуда.

Мира открыла глаза. Старуха смотрела на неё. Белые глаза слепые. Но видели. Слезы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Получилось, прошептала старуха.

— Получилось, сказала Мира.

Деревня взорвалась.

Не зло. Не страх. Жизнь. Люди начали двигаться. Медленно. Они открывали глаза. Смотрели. Молча. Потом улыбались. Тепло. Дети смеялись. Женщины плакали. Мужчины говорили. Старики кланялись. Низко.

Мира смотрела на них. На эти лица. Серые, потрескавшиеся, но живые. И чувствовала, как что-то в её груди растёт. Большое. Тёплое.

Вельмир подошёл. Медленно. Обнял. Крепко. Сильно. Так, что больно. Так, что хорошо.

— Ты сделала это, сказал он.

— Нет, сказала Мира. Мы. Все. Вместе.

— Ты начала, сказал он. Ты мост. Ты всегда. Начинаешь.

Мира улыбнулась.

— Да, сказала она. Всегда.

Старуха подошла.

Медленно. Она остановилась. Рядом. Посмотрела на Миру. Молча. Потом заговорила.

— Я помню, сказала она. Всё. Свою жизнь. Своего мужа. Своих детей. Всё. Впервые. За долго.

Мира смотрела на неё. Слезы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Я рада, сказала она.

Старуха улыбнулась. Тепло.

— Спасибо, сказала она.

— Не благодарю, сказала Мира. Я мост. Мост для всех.

Старуха смотрела на неё. Потом кивнула. Медленно. Тяжело.

— Тогда учи, сказала она. Меня. Дышать. Соединять. Заново.

Мира улыбнулась. Тепло.

— Тогда дыши, сказала она. Сейчас. Со мной.

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик спал на коленях Миры. Старуха рядом. Все вместе.

— Что дальше? спросил Яромир.

— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.

— Это долго, сказала Злата.

— Да, сказала Мира. Но мы вместе. Значит справимся.

Вельмир сжал её руку. Сильнее. Теплее.

— Вместе, сказал он.

— Вместе, повторили все. Хором.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.

«Ты сделала это, прошептал голос. Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё одна память. Ещё одно имя.».

Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.

Они пошли. В дом. Тёплый. Сухой.

А над горами вставала заря. Не пепельная. Другая. Голубая. Золотая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они.

Спящая проснулась.

Эпизод 4. Сломленные

Горелый Лог они почувствовали за версту.

Не дым. Не гарь. Не пепел. Что-то другое. Тяжёлое. Густое. Как будто воздух стал свинцовым. Как будто свет потускнел. Как будто само время остановилось. Мира остановилась. Посмотрела вперёд. Тропа серая, пыльная вела к деревне. К низким домам. К кривым крышам. К чему-то, что не было жизнью. И не было смертью. Чем-то средним. Чем-то страшным.

— Здесь, сказала Мира.

— Здесь, подтвердил Вельмир. Горелый Лог. Последняя деревня на нашем пути. Перед тем как повернуть домой.

— Что с ними?

— Ничего, сказал он. И это хуже всего. Они не больны. Не спят. Не мертвы. Они сдались. Давно. Очень.

Мира закрыла глаза. Молча. Она чувствовала. Нити. Тонкие. Золотые. Живые. Но не все. Некоторые оборваны. Другие запутаны. Третьи серые. Тусклые. Как будто люди забыли. Кто они. Зачем. Что жить. Как будто они перестали. Быть. Задолго до того, как умерли.

Мира открыла глаза. Посмотрела на Вельмира. Прямо.

— Я пойду, сказала она.

— Одна?

— Нет. Она покачала головой. С тобой. Но говорить буду я. Петь буду я. Ты просто рядом. Хорошо?

Вельмир смотрел на неё. Потом кивнул. Медленно. Тяжело.

— Хорошо, сказал он. Вместе.

Они вошли в деревню.

Медленно. Дома стояли. Целые. Крыши на месте. Двери открыты. Окна тёмные. Ни огня. Ни дыма. Ни голоса. Только люди. Они сидели. На порогах. На мостках. У воды. Смотрели в землю. Молчали. Не двигались. Как будто они были не людьми. Как будто они были камнями. Как будто они были памятью.

Мира шла через деревню. Медленно. Она видела их. Молодых. Старых. Детей. Все одинаковые. Все пустые. Все серые. Не кожей. Не руками. Душой.

В центре старик.

Сгорбленный. Худой. С посохом. Он сидел на камне. Смотрел в землю. Мира подошла. Близко. Остановилась. Посмотрела на него. Молча.

— Здравствуй, сказала она.

Он не ответил. Не поднял глаз. Не двинулся.

— Я Мирослава, сказала она. Мост. Я пришла. К вам.

Тишина. Долгая.

Потом старик заговорил. Хрипло.

— Зачем?

— Чтобы помочь, сказала Мира.

— Не надо, сказал он. Мы не хотим.

— Почему?

— Потому что больно, сказал старик. Жить больно. Мы устали.

Мира смотрела на него. Потом опустила на колени. Рядом. Близко. Так, что почти касалась.

— Я знаю, сказала она. Я тоже устала. Когда-то. Очень. Давно.

Старик поднял глаза. Впервые. Посмотрел на неё. Молча.

— Ты не мы, сказал он.

— Я такая же, сказала Мира. Я тоже теряла. Всё. Бабушку. Дом. Себя. Но я нашла. Заново.

— Что?

— Жизнь, сказала Мира.

Она встала.

Медленно. И запела. Не магией. Не силой. Голосом. Просто песню. Без слов. Без смысла. Просто песню. Тёплую. Живую. Как бабушка. Как мать. Как жизнь.

Старик замер. Посмотрел на неё. Молча. Что-то в его глазах дрогнуло. Едва-едва. Как будто трещина. Тонкая.

Люди начали поднимать головы. Медленно. Они смотрели на неё. Молча. Что-то в их глазах дрогнуло. Едва-едва. Как будто трещина. Тонкая.

Мира пела. Она не останавливалась. Не уставала. Не могла. Она вкладывала в песню всё. Себя. Свою боль. Свою жизнь. Свою любовь.

И нити. Тонкие. Золотые. Живые. начали вспыхивать. Ярко. Тёпло. Они шли от неё. К ним. Ко всем. К старику. К людям. К каждому. Они соединяли. Сшивали. Заново.

Мальчик подбежал.

Маленький. Трёх лет. Он не сидел. Не смотрел в землю. Он играл. Как будто не было хвори. Как будто не было боли. Как будто не было тьмы. Он подбежал к Мире. Обнял за ногу. Крепко.

— Ты поёшь, сказал он.

— Да, сказала Мира. Не останавливаясь.

— Красиво, сказал он.

— Спасибо, сказала Мира.

Мальчик улыбнулся. Отпустил. Побежал.

И старик заплакал.

Молча. Слёзы горячие. Тихие. Текли по щекам. Он не вытирал. Впервые. За долго. Может впервые вообще.

— Получилось, прошептал он. Впервые.

Мира улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.

— Получилось, сказала она. Дыши. Дальше. Сам.

Старик смотрел на неё. Молча. Потом упал на колени. Перед ней. Перед Мирой. Чужой. Своей.

— Прости, сказал он. Прости нас. Мы не знали.

— Знаю, сказала Мира. Я прощаю.

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Мальчик спал на коленях Миры. Старик рядом. Люди вокруг. Смотрели. Ждали.

— Что дальше? спросил Яромир.

— Жизнь, сказала Мира. Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде.

— Вместе, сказал он.

— Вместе, повторили все. Хором.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.

Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.

«Ты сделала это, прошептал голос. Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё одна память. Ещё одно имя. Ещё одно прощение.».

Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.

Они пошли. В дом. Тёплый. Сухой.

А над горами вставала заря. Не пепельная. Другая. Голубая. Золотая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они.

Сломленные ожили.

Эпизод 5. Дорога домой

Костный Брод показался на рассвете.

Мира не ждала этого. Не высчитывала дни. Просто шла. И увидела. Издалека. Сначала дым. Тёплый. Потом крыши. Кривые. Вросшие в болото. Потом мостки. Узкие. Скользкие. Перекинутые через чёрную воду. Потом дома. С резьбой. С окнами. С светом. Живым. Как будто она вернулась домой. Как будто она никогда не уходила. Как будто она ждала.

Она остановилась. Посмотрела. Молча.

— Дом, сказала она.

Вельмир рядом. Сжал её руку. Сильнее. Теплее.

— Дом, повторил он.

Радомир с другой стороны. Смотрел. Молча. Потом улыбнулся.

— Дом, сказал он.

Верховная следом. Смотрела. Молча. Потом улыбнулась.

— Дом, сказала она.

Яромир позади. Злата за ним. Мать рядом. Мальчик на руках Миры. Все смотрели. Молча. Потом улыбались. Тепло.

Мира шагнула вперёд.

Медленно. Ноги сами. Знали. Дорогу. Чувствовали. Мостки скрипели. Под ногами. Знакомо.

Люди выходили из домов. Медленно. Смотрели. Молча. Потом узнавали. Потом улыбались. Тепло.

— Княгиня! крикнул кто-то. Из толпы.

— Княгиня! крикнул другой.

— Княгиня! кричали все. Хором. Радостно. Живо.

Мира остановилась. Посмотрела на них. Слезы горячие. Тихие. Текли по щекам. Она не вытирала.

— Я вернулась, сказала она.

Тишина. Долгая.

Потом крик. Радостный. Люди бросились к ней. Обнимать. Плакать. Смеяться. Жить. Дети хватали за руки. Женщины целовали в щёки. Старики кланялись. Низко.

Мира не отстранялась. Принимала. Всё. Как будто она была их частью. Как будто они были её частью. Как будто они были одним целым.

Мальчик тот самый подбежал. Обнял за ногу. Крепко.

Мальчик улыбнулся. Отпустил. Убежал.

А где-то в глубине в пепле, в воде, в крови первая жрица улыбалась.

«Ты дома, внучка. Наконец. Дома.».

Вечером они сидели у костра.

Мира. Вельмир. Яромир. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Старик с ними. Люди вокруг. Мальчик спал на коленях Мира. Все рядом.

Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.

Ночью Мира вышла на берег.

Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел тихо, на грани слышимости. Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Она смотрела на воду. На небо. На землю. На всё.

«Ты сделала это, прошептал голос. Всё. Что должна была. Пока.».

— Спасибо, сказала Мира.

Эпизод 6. Ученики

Мира проснулась от того, что кто-то смеялся.

Не она. Не Вельмир. Дети. Они играли на мостках. Бегали. Прыгали в воду. Смеялись. Мира лежала на тюфяке. Слушала. Улыбалась. В потолок. В утро. В себя.

Рядом Вельмир. Спал. Глубоко. Крепко. Рука на её талии. Тяжёлая. Тёплая. Оберег на груди тёплый. Ровный. Он пел Как колыбельная. Как бабушка. Как дом.

Мира осторожно убрала его руку. Встала. Вышла на мостки.

Дети увидели её. Подбежали. Обступили. Мальчик тот самый впереди.

— Ты обещала, сказал он. Серьёзно. Учить.

— Обещала, сказала Мира. И сделаю.

Она собрала их на берегу.

Не только детей. Взрослых тоже. Яромир пришёл. Злата. Радомир. Верховная. Мать. Даже старик тот, из Горелого Лога, пришёл. Он остался с ними. Не ушёл.

— Сегодня новое, сказала Мира. Не только дыхание. Не только соединение. Сегодня память.

Она подняла руку. Оберег вспыхнул. Тепло.

— Вода помнит, сказала она. Всё. Каждого. Кто пил её. Кто жил с ней. Кто умер. Память - это не боль. Память - это жизнь.

Она опустилась на колени. Коснулась воды. Ладонью. И потянула. Не в себя. Из себя. В воду.

Вода дрогнула. Медленно. По поверхности пошли круги. Ровные. Как дыхание. Как пульс. Как жизнь. И в этих кругах появились тени. Не страшные. Не тёмные. Просто образы. Люди. Дома. Деревья. Птицы. Всё, что было. Всё, что живёт. Всё, что будет.

Дети ахнули. Взрослые замерли. Старик заплакал.

— Это не магия, сказала Мира. Это память. Она в каждом. В вас. В них. Во мне. Надо только захотеть. Услышать.

Вельмир подошёл. Встал рядом. Смотрел. Долго.

— Я хочу, сказал он.

Мира посмотрела на него. Улыбнулась.

— Тогда иди сюда. К воде.

Он опустился рядом. Коснулся воды. Ладонью. Закрыв глаза. Молча.

— Я ничего не вижу, сказал он наконец.

— Потому что смотришь глазами. Смотри сердцем.

Он дышал. Медленно. Ровно. Вдох вода. Выдох огонь. И почувствовал. Первое холод. Потом тепло. Потом движение. Не воды. Памяти. Она шла через него. Медленно. Ровно. Как кровь. Как жизнь.

Он открыл глаза. Посмотрел на воду. И увидел. Себя. Маленького. На руках матери. Она поёт. Улыбается. Молодая. Счастливая. До всего. До войны. До ненависти. До смерти.

— Мама, прошептал он.

Мать стояла рядом. Услышала. Обернулась. Посмотрела на него. Слёзы в её глазах. Горячие. Тихие.

— Я помню, сказала она. Я всё помню.

Она подошла. Опустилась рядом. Коснулась воды. И увидела. То же. Себя. Молодую. Сына на руках. Песню. Жизнь. До всего.

Они сидели рядом. Мать и сын. Молча. Смотрели в воду. В память. В жизнь. И молчали. Не нужно было слов. Всё было в воде. В памяти. В них.

Яромир подошёл. Коснулся воды. Закрыв глаза.

Он увидел дом. Деревню. Детство. Отца. Большого. Сильного. Смеющегося. Он учил его мечу. Держал на плечах. Пел песни. А потом ушёл. На войну. И не вернулся.

Яромир открыл глаза. Смотрел в воду. Молча. Потом улыбнулся. Светло.

— Спасибо, сказал он.

Мира кивнула. Ничего не сказала. Не нужно.

Злата подошла. Коснулась воды.

Она увидела мать. Ведунью. Старую. Мудрую. Она учила её травам. Песням. Дыханию. Она говорила: «Ты больше, чем думаешь. Ты ведунья. Ты мост между мирами». Злата не верила. Потом поверила. Когда мать умерла. Когда осталась одна.

Злата открыла глаза. Посмотрела на Миру. Янтарные глаза тёплые.

— Я помню, сказала она. Всё.

Радомир подошёл. Коснулся воды.

Он увидел брата. Вельмира. Маленького. Смешного. Он учил его мечу. Огню. Ненависти. Он думал это правда. Он думал это путь. А потом потерял. Всё. Себя. Брата. Жизнь.

Радомир открыл глаза. Посмотрел на Вельмира. Молча. Потом опустил голову.

— Прости, сказал он.

Вельмир посмотрел на него. Потом подошёл. Положил руку на плечо.

— Ты здесь, сказал он. Сейчас. Это главное.

Радомир поднял глаза. Посмотрел на брата. Слёзы горячие. Тихие. Впервые. За долго. Может впервые вообще.

— Спасибо, сказал он.

Верховная подошла. Коснулась воды.

Она увидела себя. Молодую. Воина. С мечом. С копьём. С ненавистью. Она убивала. Жгла. Ненавидела. Она думала это сила. А потом встретила Миру. И поняла. Сила не в мече. Сила в мосте.

Верховная открыла глаза. Посмотрела на Миру. Молча. Потом улыбнулась. По-настоящему. Открыто.

— Ты изменила меня, сказала она. Спасибо.

Мать подошла. Коснулась воды.

Она увидела дочь. Ладу. Маленькую. Смешную. Она пела. Всё время. Даже когда злилась. Даже когда плакала. Она говорила: «Если петь никто не заметит, что ты боишься». Она умерла. От хвори. Мать не смогла. Не успела. Не спасла.

Мать открыла глаза. Смотрела в воду. Молча. Потом заплакала. Долго.
— Я не успела, сказала она. Прости.
Вельмир подошёл. Обнял. Крепко. Сильно.
— Ты успела, сказал он. Сейчас. Со мной. С нами.
Мать смотрела на него. Потом улыбнулась. Сквозь слёзы. Счастливые.
— Спасибо, сказала она.
Старик подошёл. Коснулся воды.
Он увидел жену. Детей. Внуков. Дом. Жизнь. До хвори. До боли. До тьмы. Он увидел себя. Смеющегося. Живого. Настоящего.
Старик открыл глаза. Посмотрел на Миру. Молча. Потом упал на колени.
— Спасибо, сказал он. Ты вернула. Всё. Меня. Жизнь. Всё.
Мира подошла. Помогла встать. Крепко. Сильно.
— Не благодарю, сказала она. Я мост. Мост для всех.
Вечером они сидели у костра.
Мира. Вельмир. Мать. Радомир. Верховная. Яромир. Злата. Старик. Дети спали рядом.
Огонь трещал. Звёзды горели. Деревня спала.
Она сидела у костра. Одна. Оберег на груди тёплый. Ровный.
Она смотрела на огонь. На звёзды. На воду. На всё.
«Ты сделала это, прошептал голос. Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё одна память. Ещё один ученик».
Голос стих. Вода вспыхнула. Золото. Тёплое. И погасло.
А над горами вставала заря. Не пепельная. Другая. Голубая. Золотая. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как они.

Эпизод 7. Эпилог. На пороге

Прошло семь дней.
Мира не считала. Просто жила. Учила. Дышала. Соединяла. Вечерами сидела у костра. С ними. Со всеми.
Костный Брод менялся. Медленно. Но менялся. Дома новые. Крепкие. Светлые. Мостки широкие. Чистые. Живые. Дети смеялись. Женщины пели. Мужчины строили. Старики учили.
С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.